

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1988

12

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

12

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*),
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, чл.-кор. АН УзССР
П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ
(*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙ-
РУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук
З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук Ш. З. ЗИЯМОВ,
доктор ист. наук М. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор филол. наук
Э. А. КАРИМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор
филол. наук Х. П. ПУЛАТОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАД-
ЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор
ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор филос. наук Т. С. САИД-
БАЕВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА, доктор
ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук К. А. ХАСАН-
ДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХАМЕДОВ, док-
тор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. наук Р. Х. СУ-
ЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Негматова*

Сдано в набор 28.12.88. Подписано к печати 23.01.89. P08514. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 938. Заказ 284. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: Ташкент, проспект М. Горького, 79.

©Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1988г.

А. Т. ЮСУПОВ

**К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРУКТУРЫ
ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УзССР**

В решениях XXVII съезда КПСС, направленных на подъем материального и культурного уровня жизни советского народа, важное значение отводится ускоренному развитию производства товаров народного потребления, увеличению вклада каждой союзной республики в реализацию комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг. «Одна из важнейших задач всех без исключения отраслей, республик и районов страны,— отмечалось на съезде,— увеличение вклада в решение многообразных задач, связанных с подъемом благосостояния советских людей, последовательное осуществление Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 годы»¹.

В этой связи возрастает роль легкой промышленности в ускоренном развитии производства товаров народного потребления на базе всестороннего использования интенсивных факторов, совершенствования структуры отрасли и повышения качества продукции. Особую актуальность эта задача приобретает в трудообеспеченных регионах страны, к которым относится Узбекская ССР, характеризующаяся высокими темпами роста населения, трудовых ресурсов, богатыми полезными ископаемыми, ограниченными водными ресурсами, четко выраженной общесоюзной специализацией на производстве хлопка-сырца, шелка, каракуля и продуктов их переработки. Наличие богатой сырьевой базы, трудовых ресурсов, достаточно подготовленной и сформировавшейся производственной инфраструктуры создает благоприятные условия для ускоренного развития легкой промышленности на основе совершенствования ее отраслевой и территориальной структуры.

Анализ показывает, что в результате значительных капитальных вложений заметно возросли производственный и научно-технический потенциал отрасли, ее роль и место в системе производительных сил республики. Все это сказалось на конечных результатах деятельности легкой промышленности. Так, за 1970—1985 гг. производство хлопчатобумажных тканей возросло в 2,1 раза, шелковых тканей — в 3,1, чулочно-носочных изделий — в 2,1, бельевого и верхнего трикотажа — в 1,9, обуви — в 1,9 раза.

Вместе с тем выявились и недостатки в отраслевой и территориальной структуре легкой промышленности.

Несбалансированность структуры производства и потребления продукции отрасли порождает ряд проблем как экономического, так и социального характера. Во-первых, часть вывозимого из республи-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 302.

ки сырья идет на производство товаров, которые затем ввозятся в республику в виде готовых изделий. Это не всегда может быть оправдано интересами специализации производства изделий легкой промышленности. Во-вторых, проблема более полной и рациональной занятости имеющихся трудовых ресурсов республики требует более ускоренного развития трудоемких отраслей в УзССР, чем в тех районах, куда вывозится сырье. Обеспечивая около 60% всего общесоюзного производства хлопка-сырца и хлопка-волокна, Узбекистан вместе с тем выпускает всего около 5,0% производимых в стране хлопчатобумажных тканей. До 50% заготовленных в республике коконов тутового шелкопряда из-за несовершенства структуры производства вывозятся для переработки в другие республики.

Отраслевые структурные недостатки усугубляются несовершенством территориальной структуры легкой промышленности — наибольший удельный вес по объему товарной продукции приходится на долю Ташкентского и Ферганского экономических районов.

Следует сказать, что за 1970—1985 гг. произошло последовательное перераспределение объема производства продукции отрасли из высокоразвитых центров легкой промышленности в слаборазвитые в индустриальном отношении районы республики, чему во многом способствовала филиальная форма организации производства. Вместе с тем, как показывают результаты исследования, в процессе филиализации производства выявились существенные недостатки. Филиалы создавались все же в основном в промышленно развитых районах. Так, в 1985 г. только на долю Ферганского и Ташкентского экономических районов приходилось свыше 60% созданных в республике филиалов. Несмотря на достаточность трудовых ресурсов, ощущалась нехватка квалифицированных кадров. Недостатки в процессе филиализации производства во многом определяются слабой изученностью региональных условий территориальной организации промышленного производства, особенно легкой промышленности, с учетом ее внутриотраслевой специфики. Слабое удовлетворение запросов населения республики по рациональным нормам потребления во многом объясняется несовершенством отраслевой и территориальной структуры легкой промышленности.

Степень удовлетворения потребностей населения по рациональным нормам среднедушевого потребления за счет республиканского производства составила в 1985 г. по: хлопчатобумажным тканям — 59,3%, шелковым тканям — 59,8%, верхнему трикотажу — 36,4%, бельевому трикотажу — 25,6%, чулочно-носочным изделиям — 46,8%, кожаной обуви — 53,9%.

Обеспечение прогрессивных структурных сдвигов в легкой промышленности требует изучения и учета региональных особенностей Узбекистана и внутриэкономических районов республики.

Экономическое значение структурной перестройки легкой промышленности УзССР определяется необходимостью, во-первых, обеспечения соответствия структуры производства изделий легкой промышленности структуре потребностей населения; во-вторых, — ускорения научно-технического прогресса и на этой основе повышения эффективности производства и улучшения качества продукции; в-третьих, — увеличения производства продукции в нужном ассортименте; в-четвертых, — достижения оптимальных пропорций и соотношений в производстве продукции для экономики живого и овеществленного труда, роста эффективности производства.

Социальное значение совершенствования территориальной и отраслевой структуры легкой промышленности республики заключается в обеспечении: рациональной занятости быстрорастущих трудовых ресурсов, особенно женских кадров, выравнивания уровня индустриаль-

ного развития экономических районов и областей республики, повышения уровня потребления продукции на душу населения до рациональных норм потребления, формирования рабочего класса, особенно из лиц местной национальности.

Решению этих и других проблем должно быть подчинено успешное осуществление правильной структурной политики, принципиальными направлениями которой являются:

— более ускоренное развитие отраслей общесоюзной специализации, обеспечивающих увеличение вклада республики в ускорение социально-экономического развития страны;

— обеспечение высоких темпов развития отраслей, производящих готовую продукцию;

— сбалансированное развитие отраслей, обеспечивающих комплексность развития легкой промышленности;

— планомерное размещение производства по территории региона и наиболее эффективное использование его природных и трудовых ресурсов и уже созданных средств производства;

— ускоренное развитие областей республики с относительно низким уровнем развития легкой промышленности при наличии соответствующих ресурсов и высоком спросе населения;

— обеспечение развития и размещения отраслей легкой промышленности Узбекистана, соответствующих оптимизации структуры легкой промышленности республик Средней Азии и Казахстана.

Исходя из намеченных направлений развития отрасли в перспективе, удельный вес хлопчатобумажной промышленности должен возрасти с 20,6% в 1985 г. до 25,5%, а трикотажной — соответственно с 4,2 до 5,8%. Несколько снизится доля шелковой промышленности — с 29,6 до 23,7%. Однако она и впредь будет занимать одно из основных мест в легкой промышленности. Удельный вес швейной промышленности в структуре отрасли стабилизируется, но она будет развиваться высокими темпами, будучи конечной отраслью комплекса «одежда».

Прогрессивные сдвиги в отраслевой структуре будут сопровождаться улучшением качества и ассортимента изделий, ускорением НТП.

Совершенствование отраслевой структуры легкой промышленности окажет свое влияние на изменение структуры занятости в отрасли и основных производственных фондов.

При совершенствовании структуры легкой промышленности развитие ее ведущих подотраслей будет характеризоваться своими особенностями. Так, хлопчатобумажная отрасль будет развиваться ускоренными темпами, что обусловлено созданием в республике общесоюзного центра текстильной промышленности.

В перспективе основное внимание должно быть уделено совершенствованию ассортимента и качества хлопчатобумажных тканей. Природно-климатические условия, исторически сложившиеся национальные традиции республики требуют повышения удельного веса таких видов тканей, как ситец, батист, сатин и др. Следует подчеркнуть, что в связи с социально-экономическими и производственными условиями ткани технического назначения в перспективе должны полностью производиться из химических волокон.

Структура ассортимента хлопчатобумажных тканей, предназначенных для нужд республики, должна полностью соответствовать рациональным потребностям промышленности и населения республики, а хлопчатобумажных тканей, направляемых в другие районы страны, — определяться с точки зрения народнохозяйственной эффективности их производства.

Шелковая промышленность будет развиваться высокими темпами с целью создания в республике центра по производству шелковых тканей. В перспективе производство тканей из натурального шелка должно получить преимущественное развитие по сравнению с другими видами шелковых тканей.

В связи с неэффективностью вывоза коконов за пределы республики следует значительно увеличить мощности шелкомотальной промышленности при активной интенсификации кокономотального производства.

Шелковая промышленность получит интенсивное развитие на основе ускоренного расширения ее сырьевой базы и внедрения достижений НТП в производство шелковых тканей. В перспективе шелковая промышленность республики, по нашему мнению, будет сосредоточена прежде всего в Ферганском экономическом районе.

Для обеспечения переработки коконов необходимо реконструировать и технически перевооружить действующие предприятия и построить новые шелкомотальные фабрики. Для приближения предприятий по переработке коконов к местам их получения целесообразно размещение шелкомотальных предприятий в Каракалпакской АССР, Навоийской, Сурхандарьинской, Сырдарьинской областях.

Динамика изменения структуры потребления в республике требует ускоренного развития трикотажных изделий, особенно бельевого трикотажа.

В перспективе трикотажная промышленность республики как в отраслевом, так и в территориальном разрезе будет развиваться высокими темпами, преимущественно в Хорезмской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях. Повышение эффективности производства будет сопровождаться углублением процесса его территориальной специализации.

Дальнейшее развитие обувной отрасли, по нашему мнению, будет осуществляться с целью удовлетворения потребностей населения республики на базе повышения качества продукции, преимущественно интенсивным путем.

Создание небольших предприятий обувной и швейной промышленности с замкнутым циклом производства конечной продукции позволяет размещать отдельные комплексно-механизированные потоки в виде филиалов. Для равномерного размещения швейной отрасли рекомендуется продолжить создание сети филиалов и небольших предприятий легкой промышленности в ККАССР, Джизакской, Навоийской и Сурхандарьинской областях.

В целях дальнейшего совершенствования процесса филиализации в отраслях легкой промышленности при создании филиалов необходимо учесть принципы размещения производства, исходить из того, что создание сетей филиалов в регионе должно быть прежде всего направлено на решение социально-экономических задач; подготовка рабочих кадров должна предшествовать самой стадии организации филиалов; процесс создания филиалов нельзя рассматривать только как один из методов разрешения социально-экономических проблем республики, это — современная форма организации производства при крупных производственных процессах.

Итак, совершенствование отраслевой структуры легкой промышленности должно предусматривать:

— обеспечение опережающих темпов развития отраслей, общесоюзной специализации — хлопчатобумажной и шелковой промышленности;

— ускоренное развитие высокотрудоемких отраслей, производящих готовую продукцию;

— сбалансированные темпы развития отраслей, обеспечивающих комплексность развития легкой промышленности.

Улучшение территориальной структуры легкой промышленности должно осуществляться по линии:

— ускоренного развития легкой промышленности на базе интенсификации и необходимых объемов нового строительства в относительно слабо развитых в индустриальном отношении экономических районах;

— устойчивого развития отраслей легкой промышленности Ташкентского экономического района на базе интенсификации, технического перевооружения и реконструкции действующих предприятий.

Улучшение территориальной структуры легкой промышленности должно идти на основе принципов социалистического размещения производства с учетом региональных особенностей. При этом следует обеспечить широкое развитие прогрессивных региональных форм размещения — филиалов с сосредоточением их в малых и средних городах, районных центрах. Это позволит успешно решать проблемы экономического и социального развития республики, обеспечить удовлетворение потребностей населения в изделиях легкой промышленности по рациональным нормам потребления.

Укрепление материально-технической и сырьевой базы отрасли, кардинальное улучшение качества изделий позволят в перспективе резко увеличить вывоз определенной части продукции в общесоюзный фонд, что будет способствовать реализации решений XXVII съезда КПСС и Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 гг.

А. И. ИШАНОВ

К 70-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БУХАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В документах XXVII съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС, XIX Всесоюзной партконференции указано на важное значение глубокого изучения и правдивого освещения большого и сложного пути, пройденного нашим народом за годы Советской власти. Как подчеркивает М. С. Горбачев, «надо ярко показать, как жили, как трудились, во что верили миллионы людей, как соединялись победы и неудачи, открытия и ошибки, светлое и трагическое, революционный энтузиазм масс и нарушения социалистической законности, а подчас и преступления. Это и будет научным, материалистическим взглядом на историю как на результат деятельности народных масс. Это и будет диалектическое ее понимание, чуждое односторонности, рассматривающее историю во всем многообразии, сложности и противоречивости, без гипертрофированного выпячивания отдельных сторон»¹.

Все это в полной мере относится к изучению и освещению истории республик Средней Азии, в том числе истории Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924), Бухарской Коммунистической партии, созданной 70 лет назад в труднейших условиях борьбы с феодально-деспотическим режимом Бухарского эмирата.

Для выяснения тех объективных условий, при которых создавалась Бухарская Коммунистическая партия, необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать социально-экономические и политические отношения, сложившиеся в Бухарском эмирате накануне победы народной советской революции 1920 г.

Как известно, до Октябрьской революции Бухарское ханство (эмират) было протекторатом, т. е. полуколонией царской России. Оно находилось в социально-экономическом, политическом и культурном отношении на более низкой стадии развития, чем Туркестан. В эмирате почти безраздельно господствовали феодально-патриархальные отношения. В отличие от Туркестана, где постепенно начали развиваться капиталистические отношения, следствием чего явилось и возникновение местного пролетариата, в Бухарском и Хивинском ханствах крупная фабрично-заводская промышленность отсутствовала, что резко тормозило там формирование рабочего класса. Среди четырехмиллионного населения ханств количество рабочих не превышало 1 тыс. человек, или 0,25% всего населения. В ханствах насчитывалось около 100 небольших хлопкоочистительных, маслобойных и других предприятий по первичной обработке сырья, из которых в 1920 г. работало не более 10.

¹ Революционной перестройке — идеологию обновления: Речь Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 года// Правда. 1988. 19 февр.

Кустарная промышленность давала пятую часть национального дохода. Бухарское ханство, как и Хивинское, представляло собой отсталую аграрную страну. Накануне революции 95% населения здесь составляли сельские жители, из которых 94% занимались земледелием и 6% — скотоводством. Горожане, по преимуществу кустари-ремесленники и купцы, составляли всего 5% населения.

Нищета, темнота и забитость трудящихся масс превратили их, особенно крестьян, в послушную «паству» мусульманского духовенства, игравшего огромную роль во всех сферах жизни Бухарского ханства, где в распоряжении 40-тысячной армии мулл находилось более 700 мечетей, мактабов и медресе. В руках духовенства были сосредоточены крупные земельные владения (вакуфы), которыми муллы распоряжались как типичные феодалы, эксплуатируя труд крестьян прежде всего на началах издольщины.

Вся политическая власть в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве — государствах с феодально-деспотическим строем — находилась в руках эмира, хана и крупных землевладельцев — беков, пользовавшихся практически неограниченным господством над угнетенными массами. В руках аристократической феодальной верхушки были сосредоточены лучшие земли, огромные стада, источники орошения. Лишь 15% земельных угодий принадлежали крестьянам (дехканам), беспощадно эксплуатировавшимся и феодалами, и государством на феодальной основе.

Положение трудящихся масс в Бухарском эмирате было крайне тяжелым. Растущее бремя бесчисленных налогов («херадж», «закет», «аминона» и др.) разоряло дехкан, вынужденных отдавать феодалам треть урожая и более. С кустарей и мелких торговцев также взимались обременительная подать с движимого имущества («закет») и многочисленные поборы. Все это усиливало недовольство широких трудящихся масс.

Под влиянием революции 1905—1907 гг. в России пробудились и угнетенные народы Востока, в частности Бухары. В ходе их усиливавшейся борьбы против своих угнетателей в условиях малочисленности пролетариата из местного населения значительную роль обрело движение прогрессивно настроенных представителей национальной интеллигенции и местной буржуазии, объединившихся в партии младобухарцев и младохивинцев.

Младобухарская партия на начальном этапе ее деятельности повела борьбу за демократизацию существующего строя путем проведения реформ (ислохот), созыва «меджлиса» (парламента) для обсуждения важнейших вопросов государственной жизни, т. е. за переход от абсолютной (неограниченной) монархии к конституционной. Таким образом, целью борьбы младобухарцев были частичные изменения существующей системы управления, упорядочение налогообложения, развитие просвещения среди населения.

Однако господствующая верхушка ханств не желала никаких реформ и обрушила жестокие репрессии на их сторонников.

После Февральской революции обстановка в ханствах еще более обострилась. Анализируя положение на национальных окраинах, В. И. Ленин в речи «По национальному вопросу» 29 апреля (12 мая) 1917 г. на VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков говорил: «Мы совершенно не хотим, чтобы хивинский мужик жил под хивинским ханом. Развитием нашей революции мы будем влиять на угнетенные массы»². Эти ленинские положения полностью относились и к Бухаре.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 437.

Победа Великого Октября вдохнула новые надежды в трудящиеся массы Бухары и Хивы.

Назревавшие в Бухаре и Хиве революции по своему социальному содержанию носили демократический характер и могли быть успешно осуществлены лишь при активном участии широких народных масс. Однако незначительная по своему составу группа бухарских революционеров считала возможным свержение феодально-деспотического строя эмирата с помощью извне, в частности при поддержке красногвардейских частей из Советского Туркестана. С этой целью комитет младобухарцев-революционеров в конце декабря 1917 г. направил в Ташкент делегацию в лице их молодого, энергичного лидера Файзуллы Ходжа Убайдулла Ходжаева. Председатель СНК Туркестанского края Федор Колесов заверил его в неременном оказании вооруженной помощи многострадальному народу Бухары.

Проездом в Красноводск, на Закаспийский фронт, Ф. Колесов сделал в марте 1918 г. остановку в г. Кагане (Новая Бухара) с красногвардейскими отрядами численностью не более 500 человек. Он предъявил эмиру ультиматум о немедленной демократизации государственного управления путем отстранения от власти реакционных членов правительства, в частности премьер-министра (кушбеги), министра финансов (диванбеги), верховного судьи (кази-каляна) и других высших сановников, и создания нового правительства (исполкома) из младобухарцев-революционеров во главе с Ф. Ходжаевым. Одновременно красногвардейские части открыли огонь по г. Бухаре, чтобы понудить эмира принять ультиматум.

Однако эмир, опираясь на многочисленную армию мулл, сумел поднять фанатичное население Бухары и ее окрестностей на «священную войну» (газават) во имя «спасения» ислама и шариата от покушения большевиков. Железнодорожная линия и телеграфные столбы были разрушены на протяжении десятков километров, как в сторону Самарканда, так и Красноводска. Красногвардейцы оказались в осаде. Русское население в городах Каган, Чарджуй (Чарджоу), Термез, Керки подверглось разграблению. По всей Бухаре началось поголовное истребление младобухарцев-революционеров.

Хотя заключение Кзыл-тепинского мирного договора позволило спасти Ф. Колесова и его отряд, однако ущерб, нанесенный его действиями, оказался весьма значительным, был нанесен сильный урон престижу Советской власти и ее освободительной миссии в Средней Азии.

Главной причиной неудачи акции Ф. Колесова явилась оторванность младобухарцев-революционеров от народа, который находился еще под сильнейшим влиянием мусульманского духовенства. Вместе с тем мартовские события 1918 г. наглядно показали ошибочность программных требований младобухарцев, которые надеялись осуществить демократизацию общества путем реформы, при сохранении эмира во главе государства. Уцелевшим от расправы немногочисленным младобухарцам-революционерам пришлось приступить к подготовке вооруженного свержения эмирского режима.

После разгрома младобухарского движения началась массовая эмиграция его избежавших репрессий участников в города Советского Туркестана — Самарканд и Ташкент, где они нашли поддержку со стороны краевых партийных и советских органов. Обосновавшаяся в Ташкенте группа эмигрантов во главе с пламенным революционером, рабочим из Кагана (Новой Бухары) Азимджаном Якубовым летом 1918 г. провела общее собрание с участием более 90 человек, которые высказались за признание Программы РКП(б) и организацию на этой основе Бухарской Коммунистической партии.

25 сентября 1918 г. был избран руководящий орган партии — ЦК БКП в составе 5 человек: Азимджан Якубов (председатель), Мухаммед Кульмухамедов, Ходжи Мирбобо Мирмухсинов, Ахмаджан Юлдашбаев и Мирза Назрулла.

ЦК БКП приступил к организации отделений партии на местах. Так, в декабре 1918 г. отделение партии было создано в Кагане. Его работой руководили Наджиб Курбанов, Мухтаржан Саидов, Фатхулла Камиллов и Ходжи Хасан Ибрагимов. Каганское отделение считалось наиболее крупной парторганизацией и опорой ЦК БКП. Отделения партии действовали также в Самарканде (во главе с Коры Юлдашем Пулатовым) и в Катта-Кургане (под руководством Ходжи Мирбобо Мирмухсинова). Для работы среди туркменских трудящихся отделения партии были созданы в Керках и Чарджуе, где проявили кипучую революционную деятельность коммунисты Равшан Баймуратов, Хасан Алиев и др. Возникла подпольная партийная организация и в столице эмирата — Старой Бухаре, — которая объединяла более 300 коммунистов, развернувших агитационную работу среди горожан-ремесленников и мелких торговцев, а также эмирских сарбазов (воинов). Работой старобухарской парторганизации руководил пламенный революционер Абдулла Ходжа Тураев (накануне революции он был брошен в зиндан и погиб в эмирских застенках).

В докладе делегата II конгресса Коминтерна от БКП Садыка Мухамедиева общее собрание бухарских революционеров, состоявшееся 25 сентября 1918 г., справедливо характеризуется как учредительный съезд, организационно оформивший создание Бухарской Коммунистической партии и его руководящего органа³.

23 декабря 1918 г. на заседании ЦК БКП была принята временная Программа партии, предусматривавшая свержение феодально-деспотического строя эмирата и установление в стране народной власти на советских началах, конфискацию крупного помещичьего землевладения и безвозмездную передачу земли тем, кто на ней трудится, и т. д.⁴ Эта Программа, однако, не получила утверждения на первом съезде партии, состоявшемся 30 мая 1919 г. с участием 10 делегатов. ЦК БКП было предложено подготовить новую Программу партии, которая должна была учесть местные национально-бытовые особенности жизни народа, чтобы наилучшим образом подготовить его к надвигающейся революции.

На I съезде БКП был избран новый состав ЦК из 7 членов. Председателем его вместо умершего весной 1919 г. А. Якубова был избран Абдулвохид Бурханов, секретарем — известный поэт Абдулрауф Фитрат. В состав ЦК вошли также Худойберды Аулов (казначей), Абдулкодир Мухитдинов, Муинитдин Аминов и Исак Агдаров (из местных евреев)⁵.

Всего до победы народной революции в Бухаре (сентябрь 1920 г.) было создано четыре съезда партии. На II ее съезде (26—27 июня 1919 г.) председателем ЦК БКП был избран Наджиб Хусаинов, руководивший ее деятельностью в условиях подполья. Он был энергичным организатором народных масс. По его инициативе 29 июля 1919 г. Краевой Комитет Компартии Туркестана совместно с Мусбюро обсудил деятельность младобухарской организации, именовавшей себя коммунистической. В резолюции отмечалось: «...Деятельность младобухарской организации признать удовлетворительной и соответствующей задачам коммунистической программы и Советской власти,

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 361, л. 1.

⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 12, л. 3—6.

⁵ Там же, л. 3.

но недостаточно развитой. Необходимо младобухарцам расширить свою революционную деятельность в Бухарском ханстве»⁶.

В период назревания революционного подъема народных масс Бухарская Коммунистическая партия насчитывала в своих рядах 5 тыс. членов и 20 тыс. сочувствующих, объединенных в 43 подпольные организации, из которых 24 вели работу среди кустарей-ремесленников, а 19 — в гуще эмирских сарбазов. Накануне революции БКП создала в Самарканде военную школу, где обучалось 500 пехотинцев, а в Чарджуе был сформирован кавалерийский отряд из туркмен, которые в дни решающих боев с деспотической властью действовали вместе с первым Восточно-мусульманским полком Туркфронта, состоявшим из татар, башкир, узбеков, казахов, туркмен, киргизов и др.

БКП развертывала все более активную работу по подготовке к свержению эмирского деспотизма. Особая роль в этом принадлежала Файзулле Ходжаеву. Находясь в эмиграции, сначала в Москве, а затем в Ташкенте, он, по словам В. В. Куйбышева, «усвоил коммунистическую веру и становился наиболее популярной и крупной фигурой — лидером младобухарцев — революционеров-демократов»⁷.

В канун бухарской революции Ф. Ходжаев обратился к В. И. Ленину с настоятельной просьбой о поддержке руководимой им партии и оказании военной помощи в свержении ненавистного народу кровавого режима эмирата. В своем письме Ф. Ходжаев заверял, что созданная на развалинах феодально-деспотического строя народно-демократическая республика в Бухаре будет опираться на всемерную поддержку первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

Письмо Файзуллы Ходжаева с приложенной к нему Программой руководимой им партии было тщательно изучено В. И. Лениным. Он высказался за оказание всемерной помощи и поддержки младобухарской организации, признавая ее как партию революционно-демократическую⁸, которая вела тяжелую и неравную борьбу с эмиром, попавшим под влияние английских империалистов и по их настоянию вставшим на путь военной конфронтации с РСФСР и ее составной частью — Туркестанской АССР.

По возвращении в Ташкент Ф. Ходжаев при поддержке Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана в феврале 1920 г. на основе сплочения всех прогрессивных сил Бухары расширяет деятельность созданной им еще в Москве партии «младобухарцев — революционеров-демократов». Партия принимает новую Программу, а эпиграфом издаваемой ею газеты «Учкун» («Искра») становится призыв — «Объединитесь против насилия». Партия ставит перед собой как основную цель создание революционным путем народно-демократической республики⁹.

В ходе антифеодальной, антиимпериалистической борьбы из революционных младобухарцев выросли деятели, преданные идеям коммунизма. Одним из них стал Файзулла Ходжаев, который в сентябре 1920 г. вступил в ряды Коммунистической партии в результате слияния руководимой им партии с БКП¹⁰.

⁶ Там же, ф. 60, оп. 1, д. 63, л. 33.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 368, л. 7.

⁸ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, С. 483.

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 22, л. 1.

¹⁰ 11 сентября 1920 г. Центральное бюро младобухарской революционной партии, руководимой Ф. Ходжаевым, полностью признало Программу, тактику и стратегию Бухарской Коммунистической партии. Благодаря слиянию партии младобухарцев-революционеров (демократов) с БКП в состав ЦК БКП вошли Файзулла Ходжаев и Коры Юлдаш Пулатов (см.: Бухоро ахбори. 1920. 14 сент.).

Исключительно важным событием, во многом обеспечившим успех борьбы с прогнившим деспотическим режимом эмирата, стал IV съезд Бухарской Коммунистической партии, проходивший в Чарджуе 16—18 августа 1920 г. На нем был создан единый фронт всех революционных и демократических сил, включая партию младобухарцев¹¹. На съезде было принято историческое решение о революционном низвержении эмирской власти.

28 августа в Бухаре началась народная революция. Революцией руководили коммунисты и совершилась она при непосредственном и активном участии младобухарцев-революционеров (демократов).

28 августа 1920 г. в Чарджуе был создан Всебухарский Революционный Комитет как орган временного народного правительства. Оно и обратилось к полномочному представительному органу Советского государства в Средней Азии — Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана — за помощью. Войска Туркестанского фронта под командованием выдающегося советского полководца М. В. Фрунзе оказали действенную поддержку восставшим, и 2 сентября 1920 г. деспотия эмира была свергнута, в Бухаре утвердилась народная, революционно-демократическая власть.

6 октября 1920 г. в Ситоран-Мохассе, бывшем летнем дворце эмира, начал свою работу Первый Всебухарский курултай (съезд) народных представителей с участием около 2 тыс. делегатов. Они с воодушевлением приняли историческую декларацию о провозглашении Бухары Народной Советской Республикой, в которой «власть принадлежит рабочим и крестьянам, составляющим большинство населения страны и управляется посредством местных и центральных Советов»¹². Съезд избрал высшие органы государственной власти БНСР: Всебухарский Революционный Комитет во главе с коммунистом Абдулкадыром Мухитдиновым и правительство республики — Совет Народных Назиров — во главе с лидером младобухарской партии Файзуллой Ходжаевым, в составе 11 народных назиров (комиссаров).

В. И. Ленин назвал создание Бухарской НСР наглядным «доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила. Власть в руках крестьян обеспечена; в их руках земля, средства производства»¹³.

На первом этапе развития бухарской революции, когда она решала проблемы демократизации всей общественно-политической жизни, главной задачей было осуществление аграрных и налоговых реформ. Однако между ЦК БКП и революционно-демократическим правительством, возглавляемым Ф. Ходжаевым, возникли разногласия. Председатель ЦК БКП Наджиб Хусайнов и другие члены ЦК считали, что в Бухаре произошла социалистическая революция и необходимо осуществить экспроприацию экспроприаторов. Это была явно ошибочная точка зрения. Конкретные социально-экономические условия и политическая обстановка в Бухаре настоятельно диктовали необходимость постепенного, более медленного перехода к социализму, проявления уступчивости крестьянству и вообще мелкобуржуазным слоям населения.

Учитывая сложность задач, стоящих перед бухарскими коммунистами, ЦК РКП(б) направил в Бухару заместителя председателя Ко-

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 21 (12а), оп. 4, д. 16, л. 7.

¹² См.: Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент, 1969. С. 215.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 132.

миссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана В. В. Куйбышева в качестве полномочного представителя РСФСР при правительстве БНСР и уполномоченного ЦК РКП(б) и Туркбюро Коминтерна при ЦК БКП. Прибыв в Бухару 12 сентября 1920 г., В. В. Куйбышев выявил глубокие разногласия между ЦК БКП и правительством БНСР по вопросу о характере и задачах бухарской революции. В этой связи В. В. Куйбышев вынужден был принять решение о роспуске ЦК БКП и создании временного Центрального Комитета в составе 8 человек (Арсланходжа Умарходжаев, Муинитдин Аминов, Мухтаржан Саиджанов, Абдурашид Мирмукамилов, Ходжи Хасан Ибрагимов, Карим Хакимов, Сагдулла Турсунходжаев и Алимджан Акчурун).

Перед временным ЦК БКП была поставлена задача мобилизовать усилия коммунистов на осуществление аграрно-налоговой реформы, рассчитанной на облегчение положения трудового народа, и неотложных демократических преобразований в общественно-политической жизни страны¹⁴. Эта политическая линия была полностью одобрена на I (V) съезде Бухарской Компартии, созванном 23 февраля 1921 г. На съезде был избран новый состав ЦК БКП, куда не вошел ни один из старых членов ЦК, избранного на IV съезде партии. Секретарем ЦК БКП был избран Сагдулла Ходжа Турсунходжаев, ранее занимавший ответственные посты в партийных и советских органах Туркестанской АССР. Съезд одобрил 21 условие Коминтерна и избрал делегацию в ИККИ во главе с Ф. Ходжаевым. 4 апреля 1921 г. Бухарская Коммунистическая партия была принята в состав Коминтерна и руководство ее деятельностью начало осуществлять Туркбюро Коминтерна¹⁵.

В сентябре 1921 г. на II Всебухарском съезде Советов была принята Конституция БНСР. Она отражала социальную сущность, основные принципы организации государственной власти и управления БНСР. Характерная особенность ее развития состояла в том, что Основной Закон республики законодательно закрепил создание демократического государственного строя, в котором государственная власть находилась в руках большинства народа — рабочих, крестьян, кустарей, не исключая национальную буржуазию в лице средних и мелких купцов. Ввиду отсутствия еще подготовленных к управлению страной кадров из трудового народа к работе в органах управления привлекались демократически настроенные представители национальной буржуазии и интеллигенции, которые на начальном этапе революции, когда она носила общенациональный характер, вступили в блок с Коммунистической партией и под ее руководством участвовали в осуществлении революционно-демократических преобразований в стране.

На II (VI) съезде БКП (15—20 декабря 1921 г.) была принята Программа партии, составленная на основе Программы РКП(б). В ней были охарактеризованы своеобразные условия работы коммунистов в Бухаре, связанные с переходом от феодально-патриархальных форм хозяйства к социализму, минуя капитализм. Как отмечалось в ст. III Программы, «осуществление власти трудящихся во всем ее объеме встречает в ряде стран Востока, в том числе и Бухаре, непосредственные препятствия со стороны отсталых групп и поэтому Советская власть в таких странах не носит чисто классовый характер, являясь своеобразной переходной формой от власти буржуазии к власти трудящихся»¹⁶.

Эту специфику БНСР отразил и состав избранного на втором Всебухарском съезде Советов Центрального Исполнительного Коми-

¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 12, л. 114.

¹⁵ См.: Ишанов А. И. Указ. соч. С. 239.

¹⁶ См.: Жизнь национальностей. 1922. № 6 (135). С. 37.

тета БНСР в количестве 81 члена; в их число вошли по принципу представительства от всех классов и социальных групп общества: рабочих, членов профсоюза — 5, купцов и ремесленников — 12, духовенства (мулл) — 3, ответственных работников (интеллигенции) — 30, дехкан — 35. В составе высшего органа государственной власти БНСР, как видим, нашел свое воплощение единый блок прогрессивных и патриотических сил как политическая основа революционно-демократической диктатуры народа.

Бухарские коммунисты строго руководствовались ленинским указанием, высказанным в беседе с делегацией Монгольской Народной Республики 5 ноября 1921 г. Суть его сводится к тому, что социализм нельзя декретировать сверху, нельзя перескакивать через демократический этап развития, провозглашать мероприятия, для осуществления которых пока не созданы условия внутри страны и которым еще не обеспечена поддержка широких народных масс. Только завершение антифеодальной, демократической революции создает наилучшие возможности для перехода от докапиталистических форм хозяйства к социализму в ранее отсталых странах¹⁷.

В этих условиях назрели вопросы об экономическом объединении среднеазиатских советских республик (Туркестана, Бухары и Хорезма) с участием РСФСР, а также о непосредственном вхождении Бухарской Коммунистической партии в состав РКП(б)¹⁸.

Одной из основных задач БКП после создания БНСР стала организация вооруженной защиты завоеваний народно-демократической революции от посягательств сил внутренней и внешней контрреволюции. При всесторонней помощи РСФСР, в том числе ТАССР, банды эмира и басмаческие шайки были разгромлены, что создало благоприятные условия для проведения революционных преобразований в БНСР, подъема ее экономики и культуры.

Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 18 мая 1922 г. «по туркестанско-бухарскому вопросу» Туркбюро ЦК РКП(б) было преобразовано в Средазбюро ЦК РКП(б), призванное руководить работой Коммунистических партий Туркестана, Бухары и Хорезма, наделенных правами национальных компартий. На учредительном пленуме Краевой партийной организации, состоявшемся 19 мая 1922 г. с участием Г. К. Орджоникидзе, наряду с туркестанскими и хорезмскими деятелями Файзулла Ходжаев был избран членом Средазбюро ЦК РКП(б) и его Исполкомиссии от БКП. С этого момента начинается новый этап в истории Бухарской Коммунистической партии, которая, опираясь на помощь ЦК РКП(б) и Советского государства, приступила к осуществлению мероприятий, приведших к дальнейшему укреплению экономического и военно-политического положения БНСР, развитию ее сотрудничества с РСФСР.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 18 мая 1922 г. «по туркестанско-бухарскому вопросу»¹⁹ выдвинуло перед коммунистами среднеазиатских республик в качестве первоочередной задачи полный разгром басмачества с привлечением на сторону Советской власти всех патриотических, прогрессивных сил, в частности из мусульманского духовенства. Было решено ранее конфискованные вакуфные земли вернуть их прежним владельцам — муллам. Казийские суды, руководствовавшиеся в своих действиях законами шарията и адата, были вновь легализованы, как и старометодные школы (мактабы) и духовные училища (медресе). Были изданы декреты об амнистии тех

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 233.

¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 97, л. 5—6.

¹⁹ Там же, ф. 62, оп. 1, д. 1, л. 1.

басмачей, которые добровольно сложили свое оружие. Принимались меры по осуществлению новой экономической политики и оживлению хозяйственной жизни в регионе на основе развития торговли с РСФСР предметами первой необходимости для снабжения местного населения (хлебом, сахаром, мануфактурой и др.). Партийные организации среднеазиатских республик, в том числе БКП, все шире вовлекали трудовое крестьянское население в активную борьбу с басмачеством.

В борьбе против басмачества с новой силой проявились крупные организаторские способности Файзуллы Ходжаева, который в то трудное время исполнял и обязанности военного назира республики. За героизм, проявленный в борьбе с басмачеством, в деле укрепления Бухарской НСР, постановлением ВЦИК от 10 июля 1922 г. он был удостоен высокой правительственной награды — ордена Красного Знамени²⁰.

В центре внимания Ф. Ходжаева, всех бухарских коммунистов были и вопросы экономического возрождения народного хозяйства республики, прежде всего хлопководства, животноводства и других отраслей, на началах нэпа.

Важной вехой в истории Компартии Бухары стал ее IV съезд (15—20 января 1924 г.), широко обсудивший вопросы восстановления народного хозяйства и развития кооперации. Съезд прошел организованно, деловито, что свидетельствовало о значительном укреплении рядов БКП, в которой к тому времени состояло 1400 членов партии. Произошли заметные изменения и в социальном составе БКП. Среди ее членов рабочие составляли 22%, трудовое крестьянство — 41%, кустари-ремесленники — 5%, а остальные 32% относились к служащим и др.²¹

Итак, за исторически сравнительно короткий период своей истории (1918—1924) Бухарская Коммунистическая партия прошла тяжелый и сложный путь от подполья до правящей партии БНСР. В жестоких классовых битвах, следуя ленинским указаниям и опираясь на огромную помощь ЦК РКП(б), его Туркестанского, Среднеазиатского бюро, она идейно закалялась и организационно укреплялась, очищаясь от проникавших в ее ряды чуждых элементов. В БКП выросла целая плеяда замечательных коммунистов, верных ленинцев, таких как Ф. Ходжаев и его соратники — Абдулла Рахимбаев, Ахмадбек Мавланбеков, Кайгусиз Атабаев, Нусрат Максумов и др. После проведенного в 1924 г. национально-государственного размежевания республик Средней Азии и образования Узбекской ССР партийная организация Бухары вошла в состав вновь созданной Компартии Узбекистана, ставшей одним из боевых отрядов ВКП(б).

²⁰ См.: Ишанов А. Файзулла Ходжаев (Очерк жизни и деятельности). Ташкент, 1972. С. 110.

²¹ Туркестанская правда. 1924. 31 янв.

Политические портреты

Р. Я. РАДЖАПОВА

**ИМЯ, ВОЗВРАЩЕННОЕ ИСТОРИИ И НАРОДУ
(СУЛТАНБЕК ХОДЖАНОВ)**

5 июля 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела дело по обвинению С. Х. Ходжанова, арестованного 16 июля 1937 г. Приговор Военной коллегии от 8 февраля 1938 г. в отношении С. Х. Ходжанова по вновь открывшимся обстоятельствам был отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. С. Х. Ходжанов реабилитирован посмертно. Однако и сегодня, по прошествии более 30 лет после его реабилитации, в исторической литературе бытует стереотип культового периода — «ходжановщина» или, в лучшем случае, — умалчивание, забвение этого имени.

Кто же он — Султанбек Ходжанович Ходжанов?

Появление его на арене общественно-политической жизни было связано с наступлением нового этапа в истории народов Советского Туркестана. Ему предшествовали полные драматизма события первой половины 1920 г. Начались они с выдвижения на V краевой партийной конференции (январь 1920 г.) членом Крайкома Коммунистической партии Туркестана, Председателем ТуркЦИКа Т. Рыскуловым предложения о переименовании Компартии Туркестана в Компартию тюркских народов, а Туркестана — в Тюркскую Советскую Республику.

Дебаты, развернувшиеся уже на самой конференции вокруг этих неверных и в теоретическом, и в практическом плане предложений, вызвали острые идейные коллизии в партийной организации, перекинулись на арену общественно-политической жизни края и за ее пределы. С марта по июнь 1920 г. в повестке дня заседаний Политбюро ЦК РКП(б) неоднократно стояли туркестанские вопросы. Их обсуждение показало, что противоборство далеко переросло рамки первоначальных разногласий по организационным вопросам. В центре внимания оказались проблемы сущности, принципов советской автономии Туркестана, окончательного преодоления остатков колониализма во всех сферах жизни края, взаимоотношений Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана с руководящими партийными и советскими учреждениями Туркеспублики. В. И. Ленин внимательно изучал стекавшиеся в ЦК РКП(б), лично к нему материалы из Туркестана — докладные записки членов Турккомиссии, группы Т. Рыскулова, разработанный последней «Проект положения Туркестанской Автономной Советской Республики Российской Социалистической Федерации», чутко реагировал на все перипетии разгоревшейся полемики. При обсуждении «Проекта решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане», подготовленного выделенной Политбюро ЦК РКП(б) Комиссией в составе Г. В. Чичерина, Н. Н. Крестинского и председателя Турккомиссии Ш. З. Элиавы, В. И. Ленин высказал крайне важные в конструктивном плане замечания. Предложив отклонить проект Т. Рыскулова, Владимир Ильич тем не менее признал необходимым внести

изменения и в проект Комиссии. В принятом по этому вопросу постановлении Политбюро ЦК РКП(б), проект которого был написан В. И. Лениным, предлагалось исправить проект Комиссии в следующих направлениях:

- «(1) уравнивать землевладение русских и приезжих с местными;
- (2) разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских энергичнейшим образом;
- (3) не давать права Турккомиссии изменять декреты без запроса ТурЦИКа и ТурСНК и запроса центра;
- (4) систематически обдумать, подготовить, провести передачу власти — постепенно, но неуклонно — местным *Советам трудящихся*, под контролем надежных коммунистов...»¹

29 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), исходя из указаний В. И. Ленина, приняло постановления, получившие известность как постановления ЦК РКП(б) «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане». Как эти документы, так и обстоятельства, связанные с их принятием, открыв новые перспективы в реализации национальной политики партии в крае, внесли существенно новую струю в его общественно-политическую атмосферу. Они содействовали дальнейшей консолидации интернационалистских сил в рядах Компартии Туркестана, появлению нового отряда партийных кадров.

В июле 1920 г. по постановлению Турккомиссии во вновь образованный временный ЦК КПТ был введен Султанбек Ходжанов. В сентябре того же года делегаты V съезда партийной организации края избрали его членом ЦК КПТ. Из 17 его членов 10 были представителями местных национальностей. Султанбек Ходжанов, как и Кайгиз Сердарович Атабаев, Санджар Асфендияров, Ачил Бабаджанов, Ураз Киякимович Джандосов, Султанходжа Касымходжаев, Абдулла Рахимбаев, Назир Тюракулов, Ташпулат Уразбаев и другие, был представителем нового поколения партийных и советских работников, сформировавшихся за годы революции и обогатившихся опытом трех лет Советской власти.

Султанбек Ходжанов родился в 1894 г. в семье кочевника-скотовода в Туркестанском районе Казахстана, окончил в г. Туркестане русско-туземную школу, а затем трехклассное городское училище. С 1913 по 1917 г. обучался в Туркестанской учительской семинарии, где и прошел первые ступени революционной борьбы. Как о нем писали позже, с 1915 по 1917 г. он состоял в одной из подпольных организаций учащихся местных национальностей, был организатором тайного кружка под названием «Кенгеж»².

По окончании семинарии С. Ходжанов был назначен сельским учителем. Однако революционные события, развернувшиеся в крае после февраля 1917 г., вовлекли его в свой круговорот, сорвали с места. С августа 1917 г. он — в Ташкенте, редактор газеты «Брлик туы», которая повела усиленную борьбу с улемистами.

На этой должности С. Ходжанов и встретил победу Великой Октябрьской социалистической революции, с радостью и безоговорочно встав в ее ряды. Новое общество, испытывавшее острый дефицит в образованных кадрах, использовало его на разных участках советского строительства в крае. За первые три года он прошел большую школу низовой советской работы: был в г. Туркестане инспектором отдела народного образования, организатором помощи голодающим, в конце 1918 г. был переведен лектором в казахское педучилище в Ташкенте, в 1919 г. он снова в г. Туркестане на посту заместителя предсе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 153.

² Костры — приложение к газете «Туркестанская правда». 1923. № 3—4.

дателя уездно-городского исполкома, а в 1920 г. был назначен председателем Сырдарьинского областного ревкома.

В марте 1920 г. Султанбек Ходжанов вступает в ряды Коммунистической партии. Высокий для тех лет уровень образования, активная жизненная позиция снискали ему уважение и авторитет в партийных массах. Уже в 1920 г. он стал членом уездно-городского комитета партии в г. Туркестане, а Сырдарьинская областная партийная конференция избрала его в том же году членом обкома партии.

Весь жизненный путь, все ступени роста С. Ходжанова свидетельствуют о правомерности рекомендации Турккомиссией его кандидатуры в члены ЦК КПТ. Началась новая полоса в его жизни, в которой особо выделялись 1920—1924 гг. Облеченный высоким доверием партийных органов и трудящихся масс края, он являлся делегатом V—VIII съездов КПТ, IX—XIII съездов Советов Туркеспублики, постоянно избирался членом ЦК Компартии Туркестана, членом Президиума, заместителем Председателя ТуркЦИКа, был делегатом X, XIII, XIV съездов Коммунистической партии Советской страны. В эти же годы он работает наркомом внутренних дел (1920—1921 гг.), наркомом просвещения (1921—1922 гг.), наркомом земледелия (1922—1924 гг.) Туркестанской АССР.

По заданию ЦК КПТ С. Ходжанов выполнял многочисленные поручения, входил в состав разнообразных комиссий — от комиссий по подготовке документов к съездам КПТ и Советов до комиссий, рассматривавших такие злободневнейшие вопросы жизни республики, как организация Советской власти на местах, защита республиканского бюджета в центральных учреждениях страны, практические пути организации сельскохозяйственной кооперации, порядок оплаты судебных и казнев, перспективы социально-экономического развития кочевого и полукочевого населения, проблемы Туркменской области и особенно помудов, налоговая политика, очередные задачи решения земельного вопроса в Фергане, регулирование рыночных цен, основные положения землеустройства и многие другие. С ответственными заданиями он командировался в различные области Туркестана: в Сырдарьинскую область для организации подготовительных работ по созыву съезда союза «Кошчи», в Туркменскую область для проведения областной партийной конференции, в Фергану с целью ознакомления широких кругов населения с мероприятиями Советской власти по восстановлению народного хозяйства Ферганы после басмачества и др.

Много занимался Султанбек Ходжанович одним из самых сложных вопросов туркестанской действительности — национальным. Резонанс событий первой половины 1920 г., меры, предпринимавшиеся в те годы по осуществлению национальной программы партии, дали мощный животворный импульс: в сознании передовых людей края упрочилась твердая и ясная вера в интернационалистические принципы социалистической революции. Но бесспорные достижения в борьбе за упрочение Советской власти, преодолении наследия колониализма, проведении в жизнь принципов ленинской национальной политики порою омрачались грубейшими деформациями национальной политики, наносившими серьезный урон процессам утверждения интернациональных отношений. С. Ходжанов особенно остро переживал определенную заторможенность в решении задач социальной, культурной сфер жизни трудящихся края, возникавшие в связи с этим сложности во взаимоотношениях народов, населявших многонациональный Туркестан. Характерные качества, определявшие особенности его личности, были верно подмечены В. И. Лениным. После выступления делегата С. Ходжанова на IX Всероссийском съезде Советов (1921 г.) В. И. Ленин во время перерыва пригласил его в президиум и имел с

ним короткую беседу. Он назвал С. Ходжанова «горячим киргизом» за его выступление по вопросам просвещения коренного населения Туркестана, открытия школ, институтов для обучения и подготовки учителей из представителей местных национальностей.

Трудные задачи выпали на долю С. Ходжанова в Комиссариате просвещения. Характерное для первых послереволюционных лет стремительное школьное строительство среди коренного населения, не подкрепленное соответствующей материальной базой, к этому времени пошло на спад. Положение еще более усугубилось в первые годы нэпа. Туркестанская республика и в 1922 г. продолжала переживать тяжелое экономическое положение. Оно определялось острейшим дефицитом бюджета, значительным упадком сельского хозяйства, топливодобывающей, кустарной промышленности, а также нерешенностью жилищного вопроса, благоустройства городов и т. д.³

Перевод экономики страны на новые начала учета, финансирования и хозяйствования в связи с введением нэпа коснулся определенным образом и сферы просвещения — значительное число учреждений народного образования было переведено с государственного на местный бюджет, что не замедлило сказаться на резком сокращении их сети в областях. «Большим вопросом нашей действительности» назвал состояние народного просвещения в крае Председатель Совнаркома ТАССР Турар Рыскулов.

Представленная вниманию делегатов XI съезда Советов Туркестана (декабрь 1922 г.) программа развития народного просвещения явилась результатом напряженной годовой деятельности коллегии Наркомпроса под руководством С. Ходжанова. Был осуществлен ряд сокращений административного аппарата Комиссариата, в большинстве областей проведена перпись учреждений народного образования, выяснены их состояние, потребность в школьных зданиях и учителях.

С глубокой болью говорил С. Ходжанов на XI краевом съезде Советов о наметившихся тревожных симптомах в постановке народного образования среди коренного населения. Проведенная в 1922 г. политическая кампания — восстановление суда казиев, возвращение вакуфных земель мусульманской общине, — преследовавшая исправление допущенных ранее перегибов относительно местных обычаев, имела большой политический резонанс в массах коренного населения, усилила их настроение в пользу Советской власти. Вместе с тем она создала условия для возрождения на новой основе старой, конфессиональной школы. В этой ситуации передача светской советской школы на местный бюджет в сельской местности поставила под угрозу само ее существование, поскольку она еще не имела прочных традиций в среде местного населения. В создавшейся обстановке Султанбек Ходжанович настаивал на том, чтобы «съезд своим авторитетным решением высказался ...за предоставление усиленного государственного процента из государственного бюджета на нужды просвещения...»⁴

Учитывая скудость финансового обеспечения, острейший недостаток учительских кадров, XI съезд Советов одобрил, как единственно целесообразный, осуществляемый коллегией Наркомпроса курс на всемерное сокращение штата республиканского и местного управленческого аппарата Комиссариата, установление для областей обязательной сети школ всех ступеней, профтехнических учебных заведений, соответственно выделяемым по государственному и местному бюд-

³ Отчет о деятельности Совета Народных Комиссаров и Экономического Совета Туркестанской Республики на 1 октября 1922 г. Ташкент, 1922. С. III.

⁴ Бюллетень XI Всетуркестанского съезда Советов рабочих, дежканских и красноармейских депутатов, 5 декабря 1922 г. № 5//Бюллетени и постановления XI Всетуркестанского съезда Советов, 2—6 декабря 1922 г. Ташкент, 1922. С. 17.

жету средствам, увеличение ассигнований на народное просвещение с 14 до 20% общего объема туркестанского бюджета.

Столь же острой и бескомпромиссной позицией отмечена деятельность С. Ходжанова на посту Наркома земледелия республики.

Земельные отношения, своей нерешенностью усугублявшие остроту экономических противоречий и создававшие порой острые коллизии в сфере национальных взаимоотношений тех лет, привлекали к себе постоянное внимание руководящих органов края. Начиная с 1920 г. все партийные съезды и конференции, съезды Советов Туркеспублики признавали первоочередность и необходимость упорядочения земельных отношений в крае. Еще V съезд КПТ (1920 г.) основой земельной политики признал «уравнение в трудовых правах на землю и воду коренного и пришлого населения и освобождение местной бедноты от кабально-крепостнической эксплуатации русским кулачеством, туземными баями и манапами»⁵.

Проведенная в соответствии с установлениями этой политики в 1921 г. земельная реформа в Семиречье, хотя и вызвала подъем политической активности бедноты местных национальностей, в силу ее частичного характера, не разрешила окончательно противоречий земельных отношений в крае. Проблема планомерного и систематического землеустройства в соответствии с местными условиями продолжала стоять на повестке дня. VI конференция КПТ (март 1922 г.), отметив ее политический характер в условиях края, особо подчеркнула: «Регулирование земельно-водных отношений, коренное землеустройство, последовательное проведение, основание на твердых нормах пользования — должно и впредь проводиться неуклонно, ибо уничтожение пережитков колониального рабства и ликвидация феодально-патриархальных отношений в среде самых ранее угнетенных наций и в условиях нового курса экономической политики остается центральной задачей Советской власти»⁶.

Однако и VII конференция (октябрь 1922 г.), и VII съезд КПТ (март 1923 г.) констатировали, что намеченный хозяйственный план практически почти не выполнялся и программа землеустроительных работ все еще не выходила из сферы теоретических замыслов. В свете этого становится понятной резкость позиции Султанбека Ходжанова на XII съезде Советов Туркеспублики (январь 1924 г.). В своем докладе о деятельности Наркомзема, опираясь на анализ земельных отношений в Ферганской, Самаркандской, Сырдарьинской областях, он подчеркнул, что к указанному времени «революция никаких изменений в земельные отношения этих районов не внесла»⁷. Обращая внимание, что в этих областях все еще существует право по «васике», право на наследство, право на куплю-продажу земли, хотя и прошло более года после публикации Земельного кодекса Туркеспублики, С. Ходжанов признал вполне справедливой постановку вопроса о предоставлении чайрикерам юридического права на ту землю, которую они фактически обрабатывают. Относительно земельной реформы в Семиречье он констатировал, что она носила главным образом политический характер, экономических же результатов не дала, а потому работа по урегулированию земельных отношений и в этой области остается жизненно необходимой.

XII съезд Советов принял специальное решение о необходимости приступить к разрешению земельного вопроса в первую очередь,

⁵ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент, 1988. С. 149.

⁶ Там же, с. 173.

⁷ Бюллетень XII Всетуркестанского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов. 1924. 7 янв. № 9. С. 167—168.

а несколько позже VIII съезд КПТ (май 1924 г.) постановил землеустройство провести осенью 1924 г. Однако, как известно, земельно-водная реформа была проведена позднее, в 1926—1929 гг.

С. Ходжанов с присущей ему энергией и страстностью стремился к быстрейшему решению важнейших для судеб трудящихся местных национальностей социальных вопросов. Он горячо верил в могучую созидательную силу революции. В архиве сохранился документ под названием «Оценка работы т. Ходжанова С. по должности Наркомпроса Туркеспублики». В ней мы читаем: «Товарищ Ходжанов на указанной должности работает с октября 1921 г. За весь период своей работы является фактическим руководителем ее: обладает большой энергией и инициативой, работу по своему ведомству сочетает с общими государственными задачами, обладает исключительными способностями подбирать работников и руководителей, настойчив в проведении намеченных задач. Как Наркомпрос в туркестанских условиях незаменим. Кроме основной должности, т. Ходжанов совмещает должность Наркомзема, где также выявил себя хорошим руководителем, знающим туркестанские условия работы»⁸.

Проблемам народного просвещения, земельных отношений посвящены выступления С. Ходжанова на съездах и конференциях КПТ, съездах Советов Туркеспублики. Эти вопросы он выносит и на трибуну партийных и государственных форумов всей страны. Глубокой озабоченностью и тревогой за судьбы народов Туркестана было пронизано его выступление на Четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (9—12 июня 1923 г.). Принципиальная оценка истинного состояния Туркестана, данная в докладах А. Икрамова, С. Ходжанова, привлекла внимание участников совещания к нерешенным проблемам края, неблагоприятности и тревожности положения в его социальной и культурной сферах.

Однако предпринятая попытка выявить истинные причины сложившейся в крае ситуации, высказать критику некоторых конкретных аспектов политики ЦК в отношении национальных окраин вызвала определенную реакцию со стороны И. В. Сталина. В своем замечании относительно их выступлений он сказал: «Хорошо говорил, по моему мнению, Ходжанов. Недурно говорил Икрамов. Но я должен отметить одно место в речах этих товарищей, место, наводящее на размышления. Оба они сказали, что между Туркестаном нынешним и Туркестаном царским нет никакой разницы, что только вывеска изменилась, что Туркестан остался прежним, таким же, каким он был при царе. Товарищи, если это не обмолвка, если это продуманная речь и если это сказано с полным сознанием, то нужно сказать, что в таком случае басмачи правы, а мы не правы... Если это верно, не понимаю, почему вы не ушли сами в басмачество. Очевидно, Ходжанов и Икрамов не продумали это место своей речи, ибо они не могут не знать, что нынешний Советский Туркестан в корне отличается от Туркестана царского. Это темное место в речах этих товарищей я хотел отметить с тем, чтобы товарищи постарались подумать над этим и исправить свою ошибку»⁹.

Между тем далее сам Сталин был вынужден признать, что ЦК не всегда был внимателен и не всегда вовремя ставил практические вопросы, тревожащие восточные республики, что положение с народным образованием и вообще культурой было действительно тяжелейшим.

Приведенная выше пространная выдержка из речи И. Сталина,

⁸ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 2, л. 296, л. 17.

⁹ Сталин И. Соч. Т. 5. С. 306—307.

несомненно, имела скрытый подтекст. Здесь высказывание Ходжанова еще не классифицировано как антисоветское, националистическое. Это будет сделано чуть позже. На совещании же С. Ходжанову, как и А. Икрамову, предлагалось продумать свои доводы и «исправить свою ошибку». Имела место и внешне вполне безобидная записка, которую получил Султанбек Ходжанович на этом совещании: «Тов. Ходжанов! Вы сегодня говорили хорошо! Если Вы так же хорошо работаете на месте (я еще не вполне уверен в этом), я готов стать вашим другом-товарищем. И. Сталин».

Это «дружеско-товарищеское внимание» С. Ходжанов испытал на себе позже в полной мере.

Думается, в подходе к оценке политической биографии деятелей типа С. Ходжанова надо исходить из учета обстановки, в которой они жили и работали, не забывать, что сложнейший процесс складывания культуры новых межнациональных отношений тогда только разворачивался, механизм управления национальными процессами еще налаживался, не все в нем срабатывало, вызывая разного рода отклонения. Не последнюю роль здесь играли недостаточная теоретическая закалка, нехватка политического опыта наших кадров. Между тем проблемы национальных взаимоотношений требовали особого внимания, чуткости и осторожности.

Все это с очевидностью проявилось в 1921—1922 гг. при проведении земельной реформы в Семиречье. Вполне справедливая ее цель — ликвидация последствий колониализма в земельных отношениях и землеустройстве, в первую очередь казахов, на практике трансформировалась в отстаивание рядом ответственных работников предложения о непременном выселении русских и украинских крестьян из Семиречья. Это явное нарушение интернационалистских принципов национальных отношений было вовремя пресечено ЦК РКП(б): комиссия С. Ходжанова по выселению была отозвана из Семиречья и Средазбюро ЦК РКП(б) было предложено привлечь к партийной ответственности нарушителей политики партии¹⁰. Но партийные и советские органы тем не менее не отстранили Ходжанова окончательно от участия в решении этих проблем. В 1922—1924 гг. он выдвигался в состав ряда комиссий по земельно-водным вопросам: в декабре 1922 г. — в комиссию по разработке вопроса о кочевом и полукочевом населении, в 1924 г. — в комиссию по рассмотрению основных положений землеустройства и др.

Сложнейшие страницы биографии С. Ходжанова, наложившие трагедийный отпечаток на всю его последующую жизнь, связаны с важнейшим событием в жизни народов края — национально-государственным размежеванием Средней Азии. В региональной исторической литературе деятельность С. Ходжанова в осуществлении этого важного акта в истории народов края оценивается сугубо отрицательно. Выражением национал-уклонистской позиции признавалась выдвнутая им идея Среднеазиатской Федерации, и сам он провозглашался апологетом идеологии пантюркизма в крае.

По имеющимся в нашем распоряжении документам, позиция С. Ходжанова в период национально-государственного размежевания едва ли может быть оценена столь однозначно и безоговорочно. Следует поэтому несколько подробнее раскрыть эволюцию его воззрений в этот период.

Состоявшееся 10 марта 1924 г. первое совещание членов и кандидатов ЦК КПТ, ЦКК КПТ, Средазбюро ЦК РКП(б), Президиума

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 2399, л. 1. См.: Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 211.

ТуркЦИКа и ответственных работников Ташкента (в повестке дня которого стоял вопрос о национально-территориальном размежевании Туркестана) выявило разные позиции участников по этому вопросу. Выступивший с докладом А. Рахимбаев отметил стабилизацию политической ситуации в крае: ликвидацию в основном басмачества в Фергане и установление мирной обстановки в политической жизни — и вместе с тем констатировал отдельные факты по ряду мест региона (Аулие-Ата, Туркменская область, Бухара, Хорезм), свидетельствовавшие о нарастающих тенденциях взаимных претензий, взаимонепонимания между народностями края, порою приводивших к национальным трениям. Выход, по мнению А. Рахимбаева, был один: «...Если мы хотим, чтобы Советская власть Туркеспублики укрепилась, чтобы народы Туркестана развились в культурном отношении, то эти моменты нужно изжить. Изживутся эти моменты только тогда, когда мы организуем национальные республики в составе Средней Азии с однородным правительством... Единственный выход к упрочению Советской власти — размежевание Средней Азии по национальным признакам»¹¹.

В прениях по докладу выявились альтернативы. Одна из них была выдвинута С. Ходжановым. В своем выступлении он поставил вопрос об объединении Средней Азии в одну федерацию, причем объединении не только экономическом, но и политико-административном. В выдвижении идеи Среднеазиатской Федерации, очевидно, сыграла не последнюю роль сталинская концепция этого вопроса. Буквально накануне обсуждения данного вопроса на XII съезде РКП(б), отвечая на критику Мдивани относительно колебаний ЦК о формах государственности закавказских народов, И. Сталин несколько раз подчеркнул, что здесь колебаний нет, а есть система национальной политики: независимые республики сначала сближаются на хозяйственной основе, затем делается следующий шаг — объединение в федерацию и затем, как заключительный этап объединения республик, — создание Союза Республик¹².

Под влиянием этой концепции оказался не только С. Ходжанов. Так, в выступлении Н. А. Паскуцкого эта концепция поэтапности просматривалась с наибольшей очевидностью: экономическое объединение трех советских республик Средней Азии, а затем создание Среднеазиатской Федерации¹³.

Небезынтересны доводы С. Ходжанова на совещании в защиту занятой им позиции. Прежде всего свое предложение об объединении всей Средней Азии он аргументирует тем, что без многонационального Хорезма, который в тот период еще не дал согласия на разделение по национальному составу, невозможно было действительное национально-государственное размежевание и образование национальных республик. Далее — и это важно — он подчеркнул, что все мероприятия в Федерации должны приспособляться к требованиям, быту, жизненному укладу каждой отдельной национальности края. Он четко указывал, что Туркестан распадается на три национальные области: узбекская, киргизская и туркменская¹⁴. Конечно, можно критиковать Ходжанова за сужение состава наций и народностей края. Но никак невозможно уразуметь, каким образом в нашей исторической литературе мог возникнуть и утвердиться тезис, что С. Ходжанов, говоря о единстве Туркестана, якобы отрицал при этом существование отдельных наций и тем самым стоял на пантюркистских позициях.

В неправомоности такого тезиса убеждает последующее развитие

¹¹ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 3867, л. 6.

¹² Сталин И. Соч. Т. 5. С. 227—228.

¹³ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 3867, л. 25.

¹⁴ Там же, л. 15—21.

событий. Стенографический отчет состоявшегося 17 августа 1924 г. пленума Территориальной Комиссии по размежеванию среднеазиатских республик донес до сегодняшних дней всю остроту накала дискуссий, территориальных притязаний работников, представлявших интересы вновь создаваемых национальных советских социалистических республик. И в этом свете нет сомнений, что С. Ходжанов не отстаивал тезиса «Туркестан единый и неделимый». В этом убеждает и его выступление в прессе. Он действительно упорно отстаивал интересы казахского населения. Четкое изложение его позиции зафиксировала опубликованная в газете «Туркестан» статья. Появление ее, как и статей других ответственных работников края, было свидетельством демократического обсуждения путей и методов строительства политической системы многонационального государства. Об уважительном отношении к участникам разворачивающейся дискуссии свидетельствовало то, что его статье «Беседа о размежевании Средней Азии на национальные республики» была предпослана фотография С. Ходжанова с надписью — заместитель Председателя Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета Султанбек Ходжанов. Разъясняя значение размежевания Средней Азии на национальные республики, он привлек внимание к нерешенности вопроса о казахам Средней Азии и Казахстана. Поддержав предложение Карклина о присоединении казахских районов к Казахской республике, С. Ходжанов, однако, считал более важным определить положение этой республики. В определении будущих путей развития создаваемых национальных республик особую роль он продолжал отводить их сплочению, вначале на основе создания экономического объединения, а затем — Федерации. Эти объединительные процессы, по его утверждению, не могли снизить значение национально-территориального размежевания, более того, они были призваны сыграть в истории вновь созданных республик положительную роль: в будущем они войдут полноправными членами в Союз советских республик. И это будет свидетельствовать о действенном, практическом характере национальной политики Советов¹⁵.

Несколько позже, 14 сентября 1924 г., на объединенном Пленуме ЦК КПТ, ЦКК КПТ и Ревизионной комиссии ЦК КПТ секретарь ЦК КПТ И. Варейкис, выступивший с докладом о национально-государственном размежевании Средней Азии, подведет итоги упорной, длительной работы Территориальной Комиссии. Этот доклад и сегодня представляет особый интерес, ибо все еще находятся некоторые люди, которые, спекулируя на прежней закрытости темы, пытаются подогревать не совсем здоровый интерес к дискутировавшимся в те годы вопросам. Одним из них были территориальные притязания группы активных работников из ЦК КПТ, в том числе С. Ходжанова.

Требование о включении Ташкента, Мирзачульского и Ташкентского уездов в состав Казахской республики они, как докладывал И. Варейкис, мотивировали в основном соображениями экономической необходимости, упрочения этой республики. Дискуссия в Территориальной Комиссии не получила своего разрешения и вовлеченные в нее Политбюро ЦК РКП(б) и Исполбюро ЦК КПТ, сопоставив все аргументы, пришли к выводу: Ташкент как город с абсолютным преобладанием узбеков должен быть включен в состав Узбекской ССР; отдельные же волости Мирзачульского и Ташкентского уездов были разделены между Узбекской ССР и Казахской ССР с учетом их национального состава и экономических соображений¹⁶. Справедливость

¹⁵ Туркестан. 1924. 18 авг.

¹⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 3866, л. 23—24.

этого решения подтверждается, на наш взгляд, и статистическими данными. Так, по выкладкам ЦСУ Туркеспублики, на 1 октября 1922 г. Ташкент относился к городам с преобладанием узбекского населения¹⁷. Правда, г. Мирзачуль по составу населения был отнесен к русским городским поселениям; включение его в состав Узбекистана, как отмечалось выше, было проведено по экономическим соображениям.

В докладе были даны оценки и относительно высказанных С. Ходжановым предложений о создании Среднеазиатской Федерации и Среднеазиатского экономического объединения. Они приведены в нашей исторической литературе, но, думается, здесь будет уместно напомнить о них. И. Варейкис, выражая мнение Средазбюро ЦК РКП(б) о федерации, сказал: «...Сейчас все настроены к тому, чтобы размежеваться, а не объединиться»¹⁸.

Завершая анализ работы этого Пленума, очень важного в плане подготовки национально-государственного размежевания, хотелось бы обратить внимание еще на одно высказывание И. Варейкиса. Остановившись на роли Территориальной Комиссии, он отметил, что значительные разногласия, проявившиеся в ходе ее работы, с его точки зрения, «обычные и понятные в таких условиях...»

Да, это так. И закономерно, что относительно действий С. Ходжанова в период подготовки и проведения национально-государственного размежевания никаких оргвыводов сделано не было. Более того, он был избран секретарем Казкрайкома, членом Президиума ЦИК Казахстана. Однако менее чем через год был обвинен в группировочной борьбе, националистическом уклоне и отозван из Казахстана.

Именно с этого времени в Казахстане начинает разворачиваться борьба за преодоление так называемой «ходжановщины».

Все последующие годы Султанбеку Ходжановичу приходилось отбиваться от все нараставших обвинений, прямой травли и даже выступать с покаянными заявлениями. Здесь следует отметить, что кампания «раскаяния и признания», развернувшаяся с конца 20-х годов, о сущности которой сегодня уже много поведано в нашей печати, в национальных республиках началась гораздо раньше — со времени Четвертого совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июль 1923 г.).

Предпринимая на совещании самую настоящую атаку на принципы ленинской национальной политики, И. Сталин преследовал цель — утвердить идею сверхцентрализма взамен суверенности национальных республик. При этом острие удара прежде всего было направлено на истребление — чем дальше, тем больше — подготовленных за годы Советской власти национальных кадров. Речь Сталина «О правых и «левых» в нацреспубликах и областях», выдвинутая в ней тактика «подстегивания» правых и «левых»¹⁹ явились «теоретическим» обоснованием развернувшейся в каждой национальной республике борьбы с «национальными группировками». Практический урок был преподан на этом же совещании. В речи по так называемому «делу Султан-Галиева» Сталин призвал покаяться с трибуны совещания, «признать свои ошибки», «отмежеваться» от «султангалиевщины» видных работников национальных республик, в том числе Т. Рыскулова. Были сделаны намеки и в адрес С. Ходжанова и А. Икрамова.

И «виновные каялись» и «разоружались» перед коммунистами «своих организаций», «каялись» в печати, «каялись» во всех совершенных и не совершенных ими действиях, «признавались» во фрак-

¹⁷ Отчет о деятельности СНК и Экономического Совета Туркестанской республики на 1 октября 1922 г. С. 57.

¹⁸ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 3866, л. 25.

¹⁹ Сталин И. Соч. Т. 5. С. 312.

ционной, группировочной, националистической деятельности. В сознании участников этих кампаний, всех современников прочно утвердилось убеждение в правомерности начатой борьбы против оппозиции, в наличии враждебных настроений у обвиняемых и т. п. До сих пор нет-нет да и мелькнет стереотип мышления сталинских времен: мол, такой-то сам признавался в своей националистической деятельности и потому сомневаться в принадлежности его к националистической групповой борьбе нет оснований. Да, С. Ходжанов делал покаянные заявления, выступал с ними даже в печати, но все, что мы знаем теперь о цене подобного рода «покаяний», ясно говорит о том, что по сути дела все они были спровоцированы. Как это достигалось — свидетельствуют документы.

Уже в бытность С. Ходжанова в Москве в ходе неутихающей в Казахстане кампании против «ходжановщины» он был обвинен в пособничестве оппозиции. Вот тогда, в марте 1927 г., секретарь Казкрайкома партии Ф. Голощекин получил письмо от И. Сталина. В нем он писал о С. Ходжанове: «У меня нет решительно никаких оснований обвинять его в сочувствии и тем более в принадлежности к оппозиции в ВКП(б). Я знаю, что у т. Ходжанова имеются пережитки националистического мировоззрения... В беседе со мной т. Ходжанов не отрицал наличия националистического уклона в его работе в Казахстане. Он выразил свою готовность дать любое заявление в печати или в какой-либо другой форме о том, что он готов отказаться от своих ошибок. Я не сомневаюсь, что он эту свою готовность подкрепит немедленно делом, если это потребует от него Крайком. Я думаю, что Крайком должен помочь ему в этом деле»²⁰.

Крайком не замедлил выполнить «просьбу» И. Сталина о «помощи» Ходжанову. К нему обратился с письмом член Казкрайкома У. Исаев, предложив дать ответ на ряд вопросов. Ответы на них были опубликованы в октябре 1928 г. в печати. В «покаяниях» С. Ходжанова об антипартийной сущности «ходжановщины», признании ошибочности своей прежней позиции и окончательном отказе от нее, полной поддержке осуществляемой в Казахстане под руководством Краевого комитета партии политической и практической линии и ее соответствии линии ЦК ВКП(б) не было ничего конкретного, что могло бы свидетельствовать об имевших место с его стороны каких-то определенных классово чуждых действиях и преследовании им целей изменения политических основ и т. п.

Это «покаяние» помогло ему тогда сохранить свободу, он был оставлен в рядах партии. Внешне для самого С. Ходжанова как будто ничего не изменилось: после отозвания в Москву он был назначен инструктором ЦК ВКП(б), затем направлен учиться на курсы марксизма, после их окончания занимал должность заместителя заведующего агитационно-пропагандистским подотделом Средазбюро ЦК ВКП(б) (1928—1929 гг.). Впоследствии он также находился на ответственных постах: в Ташкенте — ректор Среднеазиатского хлопково-ирригационного политехнического института (САХИПИ, 1929—1931 гг.), председатель правления Средазпахтацентра (1931—1932 гг.); в Москве — заместитель управляющего «Союззаготхлоп» (1932—1933 гг.), заместитель руководителя хлопковой группы ЦКК — НК РКИ (1933—1934 гг.), контролер по хлопку в Комитете советского контроля (1934 г.); снова в Ташкенте — уполномоченный УполНКЗ в Средней Азии (1934 г.), первый заместитель директора Узбекхлоптреста (1934 г.), заместитель уполномоченного Комиссии советского контроля (1934 г.).

²⁰ ПА УзФИМЛ, ф. 1, оп. 3, д. 4672, л. 6—7.

В эти годы он плодотворно продолжает заниматься литературной, научной, публицистической деятельностью. В одной из заполненных им еще в 1921 г. анкет Султан Ходжанович на вопрос: «Участвовал ли в литературной работе?» — ответил: «Редактировал и редактирую киргизскую газету»²¹. Действительно, он был редактором многих казахских газет: до революции — «Брлик Туы», журнал «Кенгеж», после революции, в ноябре 1920 г., ему было поручено организовать казахскую газету, в течение многих лет он был редактором казахской газеты «Ак жол» («Светлый путь»), активно сотрудничал в журнале «Шолпон» на казахском языке. Его перу принадлежат стихи, литературно-публицистические статьи, критические рецензии, эссе по проблемам казахской советской литературы. Многие его статьи вышли в свет под псевдонимом «Токпак» («Молот»).

Возложенные на него обязанности по многочисленным научным комиссиям активизировали его научные занятия. В разные годы он был в составе Комиссии по составлению сборника по истории Компартии Туркестана (1922 г.), Коллегии бюро Истпарта (1924 г.), редакционной коллегии журнала Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б) «Революция в Средней Азии» (1929 г.), Совета Среднеазиатского научно-исследовательского института истории революции (1930 г.), президиума Главного ученого совета Наркомпроса (1931 г.) и др.

Но в сфере его научных интересов продолжали оставаться прежде всего проблемы развития национальных отношений, практика осуществления национальной политики партии в крае. В 1928 г. Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б) издал книгу С. Ходжанова «К десятилетию Советской Автономии Туркестана»²². По совокупности поднятых вопросов, их значимости она гораздо шире и глубже выдвинутой в названии темы. Образование ТАССР в мае 1918 г., как акт формирования первой национальной советской государственности народов края, автор рассматривает на широком фоне развития политической и общественной жизни Туркестана, на более длительном историческом отрезке, нежели указанный в названии период, — от Октябрьской революции до национально-государственного размежевания Средней Азии (1924 г.). Выдвинутые им оценки и выводы о состоянии всех групп населения Туркестана накануне социалистической революции, ее движущих силах, ведущих процессах межнациональных отношений, соотношении пролетарского и национального в революционном движении, о месте и роли отдельных этапов решения национального вопроса в Туркестане, трудностях утверждения в крае ленинской концепции самоопределения наций и др., и сегодня не потеряли научной ценности. В свете современных требований о возврате к ленинским принципам национальной политики партии и оставшей перед исторической наукой задачей переосмысления первоначального этапа историографии истории становления и развития национальных отношений в Советском Туркестане историкам Узбекистана еще предстоит глубже изучить работу С. Ходжанова, определить ее место и роль в общем историографическом процессе.

Теоретическую разработку проблемы национальных отношений он тесно связывал с непосредственными практическими нуждами социалистического строительства. В периодических изданиях 1929 г. появляются его статьи, посвященные проблемам нацменьшинств, судьбам

²¹ Там же, ф. 60, оп. 2, д. 296, л. 14.

²² Ходжанов С. К десятилетию Советской Автономии Туркестана. Ташкент, 1928.

²³ Ходжанов С. О местном национализме и о примиренческом к нему отношении // Правда Востока. 1929. 15 февр.; О литературном языке и терминологии // Правда Востока. 1929. 6 июня.

литературного языка местных национальностей²³, которые привлекали к себе внимание своей остротой, полемичностью, яркой публицистичностью.

Но с 1929 г. начались вновь нападки на него в связи с его прошлым. В августе этого года Проверочная комиссия по проверке ячейки при Экономическом совещании (ЭКОСО) Первомайского района Ташкентской парторганизации признала необходимым отметить в партдокументах С. Ходжанова «систематическую, в течение многих лет (до 1927 г.) активную антипартийную (порой антисоветскую в прошлом) групповую борьбу (как карьеризм)...» и предложила Областной Контрольной Комиссии особо обсудить вопрос о возможности целесообразности пребывания в дальнейшем Ходжанова на ответственной партийной, руководящей идеологической, воспитательной работе. Вынужденный защищаться Султанбек Ходжанович апеллирует в Окружную Контрольную Комиссию Компартии Узбекистана, в Партколлегия ЦКК на решение комиссии по чистке партии. В своих заявлениях он подробно анализирует свой жизненный путь, пытается доказать, что он «не был антисоветским человеком, не обманывал партию, не двурушничал».

Партколлегия ЦКК Компартии Узбекистана сочла возможным несколько изменить постановление Проверкома: в партдокументах С. Ходжанова было решено отметить только «его в прошлом активную антипартийную группировочную борьбу».

Но травля продолжалась. Теперь она исходила уже из Казахстана. В начале 1930 г. в журнале «За партию» была опубликована статья секретаря Крайкома Компартии Казахстана Ф. Голощекина. В ней, давая в целом высокую оценку достижениям Советской власти в разрешении национального вопроса в Казахстане, он резко и крайне отрицательно охарактеризовал первый период существования Казахской республики (1920—1925 гг.). «Характерно для этого периода,— писал он,— что классовые моменты объединения с русским пролетариатом, моменты пролетарского руководства и интернационализма затушевываются превалированием национальных моментов вообще.

В это же время идет вовлечение в партию казахов вообще без заострения вопроса о социальном происхождении вовлекаемых; коренизация советского аппарата казахами вообще без заострения вопроса о социальном происхождении; газета, книга, учебник издаются на казахском языке вообще, не обращая внимание на их содержание. Это времена «Ак-жол» и старой памяти «Энбекши Козак» до V конференции.

Это время характерно не партийным строительством, а господством группировок, господством идеологии алыш-орды вне партии, господством идеологии ходжановщины, рыскуловщины и садвокасовщины, отразивших тогда алаш-ордынскую идеологию внутри партии.

Это время, когда руководство было в руках всех этих группировок националистов... Я утверждаю, что в то время трудно было найти коммуниста-казаха, который не принадлежал бы к какой-либо группировке...»²⁴

Выступая апологетом сталинизма, утверждая его концепцию отделения проблем классовых, забвения, ослабления внимания к национальным проблемам в угоду классовым, Ф. Голощекин по сути дела фальсифицировал историю республики и ее партийной организации в этот период, а вместе с тем и деятельность ее партийных и советских работников, отдельных коммунистов. И все это не проходило бесслед-

²⁴ Голощекин Ф. Коренизация в период реконструкции//За партию. 1930. № 1—2. С. 36—37.

но. Уже начинали появляться предвестники зловещего «тридцать седьмого»...

16 июля 1937 г. Султанбек Ходжанович был арестован и репрессирован.

Долгие годы лагерей (11 лет) отбыла его жена Гулядам Ходжанова. Через 20 лет С. Х. Ходжанов был в числе многих реабилитирован посмертно. Решением Бюро ЦК КПУз 6 декабря 1957 г. он восстановлен членом Коммунистической партии с марта 1920 г. (посмертно). Но слишком затянулось его возвращение в память народа. В условиях перестройки, когда так возрос интерес к правде истории, должна быть восстановлена и еще одна из ее незаслуженно забытых страниц — жизнь и деятельность Султанбека Ходжановича Ходжанова — видного партийного и государственного деятеля, посвятившего всю свою сознательную жизнь осуществлению идеалов ленинской партии в Средней Азии и Казахстане.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

В условиях революционной перестройки и ускорения социально-экономического развития страны в духовном развитии детей и подростков нерусских национальностей важную роль играет русский язык — средство межнационального общения многонациональных братских народов СССР.

Не случайно в резолюциях XIX Всесоюзной конференции КПСС говорится: «Важнейший принцип нашего многонационального государства — свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами СССР родных языков, овладение русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения»¹.

На современном этапе коренного обновления нашего общества овладение русским языком, языком В. И. Ленина для детей нерусских национальностей необходимо уже потому, что оно создает возможность приобщения к подлинным шедеврам русской и мировой культуры; на русский язык переведены произведения величайших художников слова, выдающихся мыслителей и ученых почти всего мира, на русском языке идет огромный поток информации. Ныне русский язык превратился в средство не только межнационального внутрисоюзного, но и международного общения. По всей планете в той или иной мере им владеет более 600 млн. человек, и тяга к его изучению усиливается из года в год. Сегодня он изучается во всех крупных странах мира, в первую очередь — в странах социалистического содружества и социалистической ориентации.

Глубоко изучая его, молодежь нерусских национальностей приобретает новые знания, приобщается к богатой социалистической культуре, имеет возможность глубоко овладеть бессмертными идеями великого Ленина. Все это ведет к обогащению духовного мира молодежи, побуждает ее к активному участию в революционной перестройке и ускорении социально-экономического и культурного развития нашего общества.

В Узбекской ССР, как и в других братских многонациональных республиках страны, массовое стремление к овладению русским языком стало объективной необходимостью и прогрессивным общественным явлением.

Наша партия и Советское правительство, отражая коренные потребности советских людей, следуя заветам великого Ленина, принимают все меры для развития «языкового интернационализма»².

Разумеется, это не означает, что язык и культура братских народов утрачивают свои национальные корни и окраски. Наоборот, язык и культура братских многонациональных народов СССР обогащаются, развиваются и становятся неотъемлемой частью будущей интернациональной культуры.

В СССР живут и трудятся свыше 100 наций и народностей. Сегодня язык Ленина служит не только вторым языком представителей всех народов СССР, но и родным языком многих детей и подростков, особенно в национально-гетерогенных семьях.

Ныне среди жителей нашей страны нерусской национальности более 16,3 млн. считают русский родным языком³.

А вот данные о степени владения русским языком у народов Средней Азии. За 1970—1979 гг. среди узбеков доля лиц, свободно владеющих русским языком, возросла с 13,5 до 49,3%, киргизов — с 19,1 до 29,4, таджиков — с 15,4 до 29,6, туркмен — с 15,4 до 25,4%⁴.

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 137.

² Правда. 1983. 10 июня.

³ См.: СССР в цифрах. 1985 г. М., 1986. С. 12.

⁴ См.: Население СССР. М., 1982. С. 23.

В целом же 82% населения нашей страны свободно владеют русским языком. Все это свидетельствует о широком развитии двуязычия в СССР.

В. И. Ленин считал свободный выбор языка необходимым признаком социалистической демократии⁵.

Размышляя об этом, В. И. Ленин приходил к убеждению, что таким языком может стать именно русский. Он писал: «...Мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*... Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*... те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки»⁶.

Принудительность лишь затруднит «русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.»⁷

Итак, совокупность различных социально-экономических и исторических факторов способствовала выдвижению именно русского языка на роль средства межнационального общения народов СССР.

Роль русского языка в социально-экономическом и духовном развитии других народов страны хорошо понимали передовые представители этих народов уже в до-революционные годы. Так, Фуркат, Муками, Саттар в Узбекистане и многие другие общественные деятели, писатели, поэты, признавая прогрессивную роль русского языка, призывали своих соотечественников к его изучению.

Верный сын узбекского народа, пламенный патриот и интернационалист Хамза Хаким-заде Ниязи беспощадно разоблачал реакционеров, буржуазных националистов, которые выступали против обучения русскому языку. Еще в 1914 г. Хамза в специальном письме к учителям края страстно призывал широко изучать язык, обычаи и культуру русского народа.

После Великого Октября язык Ленина превратился в язык братской дружбы равноправных наций и народностей, средство тесного сплочения и сотрудничества советских людей.

Национально-языковые проблемы в СССР привлекают пристальное внимание и буржуазных идеологов. О них пишут Е. Г. Льюс, Э. Олуорт, Р. Сеспорлук, Дж. Уилер, С. Джекоби, Д. Бриан и многие другие. Они преподносят выдвижение русского языка как средства межнационального общения и подлинного сотрудничества в качестве примера «русификации», «насилия», твердят о «навязывании русского языка», о том, что «происходит процесс насильственной ассимиляции национальных языков русским», а сам русский язык именуют «суперязыком» и т. п.⁸

Наши недруги всячески пытаются исказить действительную сущность сочетания общего и особенного, национального и интернационального в жизни советских людей. В широком распространении русского языка в нашей стране буржуазные идеологи усматривают прежде всего проявление якобы осуществляемой Коммунистической партией и Советским правительством политики русификации.

Одним словом, огромные успехи СССР не дают покоя нашим недругам, которые стремятся подорвать социально-политическое и идейное единство нашего общества, делают большую ставку на то, что им удастся отравить сознание советских людей, особенно молодого поколения, ядом национализма, разрушить братскую дружбу наших народов.

Фальсифицируя теоретическую основу ленинской национальной политики КПСС, опыт решения национального вопроса в СССР, в том числе в Узбекистане, идеологи антикоммунизма стремятся принизить интернациональную значимость наших достижений, их привлекательность для народов, борющихся за свободу и независимость.

Наши недруги пытаются отождествить советскую национальную политику с колониальной политикой империалистических государств, умышленно искажают исторические корни дружбы узбекского с русским и другими народами СССР, трезвонят на весь мир об исчезновении национальных языков и культур в СССР, о «насильственной русификации» республик Средней Азии, стремятся распространять среди населения нездоровые настроения.

Все эти домыслы есть сознательное извращение советской действительности. В нашей стране школьное обучение ведется на 52 языках, и каждый гражданин СССР может отдать своих детей в любую школу. Сегодня многие дети нерусской национальности учатся в русских школах и вузах, и это говорит лишь о желании родителей возможно более полно приобщить своих детей к великим ценностям русской и мировой культуры.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 116—117.

⁶ Там же. С. 295.

⁷ Там же.

⁸ См.: Ханазаров К. Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1982. С. 217.

И действительно, детям и подросткам всех национальностей страны надо всячески овладевать русским языком как средством межнационального общения всех братских многонациональных народов СССР.

Как указывали классики марксизма-ленинизма, нет ни одного индивида, ни одного народа, живущих обособленно, вне человеческого общества. Каждый народ связан с другим объективно, независимо от его воли, тысячами нитей экономических, политических и идеологических отношений. Вот почему К. Маркс писал: «Всякая нация может и должна учиться у других»⁹.

Все это, конечно, оказывает огромное позитивное влияние на познание окружающего мира детьми и подростками, на их духовное развитие.

В современных условиях перестройки и революционного обновления социализма необходимо добиваться все более глубокого изучения русского языка, чтобы во всех семьях дети и подростки в совершенстве овладели русским языком. «Свободное владение русским языком должно стать нормой для молодежи, окончившей средние учебные заведения»¹⁰.

В Узбекской ССР, как и в других братских многонациональных республиках страны, массовое стремление к овладению русским языком стало объективной необходимостью и прогрессивным явлением.

В республике придают важное значение совершенствованию работы по изучению и преподаванию русского языка во всех школах и его пропаганде среди населения. Созданы необходимые условия для удовлетворения потребности узбекского и другого нерусского населения в глубоком овладении русским языком. Так, большое внимание уделяется совершенствованию подготовки квалифицированных кадров учителей русского языка, улучшению обеспечения ими национальных школ.

Действует педагогический институт русского языка и литературы, который готовит преподавателей для национальных школ Узбекистана и других республик Средней Азии. Созданы народные университеты по изучению русского языка и литературы, издаются специальные учебные пособия. Ежегодно в общеобразовательные школы с нерусским языком обучения направляется большой отряд учителей русского языка — выпускников педвузов и университетов.

Для улучшения качества подготовки учителей русского языка предприняты разнообразные меры. Так, педвузы и университеты РСФСР, Украины и Белоруссии значительно увеличили контингенты поступающих на факультеты русского языка и литературы из лиц коренных национальностей союзных республик, в том числе из Узбекистана. Ныне более 3000 юношей и девушек из Узбекистана учатся в этих вузах.

По инициативе ЦК Компартии Узбекистана возрождена практика массового пополнения кадров учителей русского языка и литературы выпускниками педагогических институтов РСФСР и Украины. В этом учебном году в сельские школы республики прибыли две тысячи учителей с дипломами этих вузов. До конца пятилетки общее их число составит восемь тысяч. Это, конечно, большая братская, интернациональная помощь!

Большие качественные изменения в практику преподавания русского языка в национальной школе вносит реформа общеобразовательной и профессиональной школы.

Учитель русского языка и литературы в национальной школе — это человек, приобщающий учащихся к культурным ценностям русского народа. От того, насколько интересно, творчески строит он свою работу, зависит отношение учащихся к изучению предмета.

В материалах III пленума ЦК Компартии Узбекистана подчеркивается: «Решать проблемы ускорения, развивать отрасли, определяющие научно-технический прогресс, пользоваться достижениями советской многонациональной культуры, овладеть техникой невозможно без глубокого знания русского языка. Он стал неотъемлемой частью советского образа жизни, служит могучим средством укрепления межнациональных контактов народов СССР»¹¹.

Важное значение имеет овладение русским языком для будущих воинов Советской Армии. В материалах III пленума ЦК КПУз с сожалением отмечается: «Горько получать из воинских частей письма о слабой подготовке наших некоторых ребят, незнании ими русского языка»¹².

В рядах Советской Армии служат представители всех союзных республик, и общим для них является русский — официальный язык Советской Армии. Из-за слабого знания русского языка многие призывники из нашей республики направляются в нестроевые части, строительные батальоны. А все объясняется «очень просто»: в ряде школ республики слабо поставлено преподавание русского языка, ощу-

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 10.

¹⁰ Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы // Правда. 1984. 14 апр.

¹¹ Правда Востока. 1986. 5 окт.

¹² Там же.

щается нехватка хорошо подготовленных преподавателей русского языка для узбекских школ, учебников русского языка, не во всех школах соблюдается принцип деления классов, в недостаточной степени используются технические средства обучения, неудовлетворительно поставлены внеурочная работа, кружковая работа, имеется много изъянов в программах и учебниках. Все это, конечно, существенно мешает глубоко изучению русского языка.

Общезвестно, что различные уровни знаний городских и сельских школьников особенно отчетливо проявляется в области русского языка. Причина этого заключается, на наш взгляд, в первую очередь, в том, что программы и учебники по русскому языку для национальных школ республики совершенно не учитывают специфику сельской школы (постоянное привлечение школьников к сельскохозяйственным работам, особенно к сбору хлопка, отсутствие языковой среды и др.). Нельзя не отметить и тот факт, что во многих сельских школах работают такие учителя русского языка, которые сами в недостаточной степени владеют своим предметом.

Слабое знание призывниками из нашей республики русского языка отрицательно отражается на их боевой и политической подготовке. А те, кто хорошо владеет русским языком, добиваются больших успехов в воинской службе. И в этом, конечно же, немалая заслуга принадлежит семье, где формировалась личность.

Прекрасный пример тому дает, скажем, семья труженицы Ташкентского производственного швейного объединения Назиры Назарходжаевой. У нее трое сыновей — Мирадиль, Мирабит и Мирсабит. Назира-апа с самого раннего возраста прививала детям огромную любовь к русскому языку, языку Ленина и отдала их учиться в русскую школу № 72 им. Качуринера Фрунзенского района г. Ташкента.

Ее старший сын — Мирадиль окончил школу с похвальным листом за отличные успехи и примерное поведение; затем стал студентом ТашПИ им. Бериуни. После окончания первого курса был призван в ряды Советской Армии. Своей воинский долг он выполнял с честью, уволился из рядов Советской Армии в звании старшины. Он — комсомолец, связист I класса, отличник Советской Армии, приезжал в краткосрочный отпуск домой. В день Победы 1987 г. был награжден медалью «За отличие в воинской службе» от имени Президиума Верховного Совета СССР. Все его успехи на военной службе были тесно связаны со знанием русского языка. Ныне он сменил военную форму на гражданскую. Студент механического факультета, староста группы, оч учится в русской группе на «хорошо» и «отлично», пользуется уважением и авторитетом среди профессорско-преподавательского коллектива и студентов.

В материалах XXVII съезда КПСС сказано, что «овладение наряду с языком своей национальности русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры»¹³.

Об этом свидетельствуют и данные нашего конкретно-социологического исследования о степени пользования источниками информации, например, молодыми рабочими коренных национальностей с предприятий г. Ташкента, Алмалыка и Джизака. Они показали, что, как правило, объем и частота пользования источниками информации коррелируются со знанием русского языка. Те, кто активно владеет, кроме родного языка, и русским, получают больше культурной, научно-технической информации, имеют более разнообразные духовные интересы.

Жизнь убедительно показывает, что слабое знание русского языка ограничивает человеку доступ к богатствам интернациональной культуры, сужает круг его деятельности и общения.

Надо, чтобы на уроках русского языка в узбекских школах учитель постоянно пробуждал у школьников интерес и большое желание к изучению русского языка, а самое главное — учил их практике разговорной речи.

В резолюциях XIX Всесоюзной партийной конференции сказано: «Следует создавать все условия, чтобы национально-русское двуязычие развивалось гармонично и естественно, с учетом особенностей каждого региона, было свободно от формализма. Проявлять больше заботы об активном функционировании национальных языков в различных сферах государственной, общественной и культурной жизни»¹⁴.

Надо, чтобы дети и подростки республик Средней Азии глубоко осознали необходимость свободного овладения, наряду с родным, и русским языком, что это — важный фактор развития духовного мира молодого поколения.

Именно эта мысль прозвучала в выступлении на XXVII съезде КПСС его делегата, директора Ургенчской школы-интерната № 94 М. Якубовой, подчеркнувшей, что «для узбекского народа язык великого Ленина стал не просто вторым родным

¹³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 157.

¹⁴ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 137.

языком, а одним из мощных факторов приобщения к достижениям советской многонациональной культуры и мировой цивилизации»¹⁵.

Таким образом, русский язык выступает могучим стимулятором развития духовного мира молодого поколения, воспитания активных, сознательных борцов за перестройку и революционное обновление нашего общества.

М. И. Сангилов

¹⁵ Правда. 1986. 2 марта.

ОРНАМЕНТИРОВАННАЯ КЕРАМИКА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ КУЮКТЕПА

Орнамент на посуде и иных изделиях неоднократно был предметом исследования. Обычно его рассматривают и как изобразительное искусство, и как отражение идеологических представлений того или иного народа¹.

Орнаментированная керамика древней Ферганы в целом уже рассматривалась в литературе², однако подробного анализа орнамента на глиняной посуде из Ферганы еще не производилось.

Изучение накопленного материала показало, что украшение посуды орнаментом, процарапанным по цветному ангобу,—одна из характерных черт кугайско-карабулакской культуры Ферганы, особенно ее среднего этапа (I—IV вв. н. э.)³.

Не ставя пока задачу дать полный анализ орнамента керамики этой культуры, мы попытаемся здесь выявить основные его элементы и виды, их устойчивые сочетания в композициях и связь с определенными формами сосудов на примере лишь одного памятника — поселения Куюктепа.

Поселение Куюктепа расположено в Учкурганском районе Наманганской области. Археологические работы велись Ферганской экспедицией Государственного Эрмитажа и Ферганского музея в 1967—1971 гг. Раскопки производились на цитадели, возведенной на искусственной платформе высотой 10 м, с оборонительной стеной, укрепленной десятью башнями.

В результате работ выделено три строительных горизонта: Куюк I—II—III.

Материал этапа Куюк I (соответствующего среднему периоду кугайско-карабулакской культуры) в основном получен из башен, с полов стрелковых галерей и центрального помещения⁴.

Керамические материалы Куюк I в основном представлены: мисками (Iг^а)⁵, горшками с шаровидным туловом (IIд), банкообразными горшками (IIа³) и горшками с округлым туловом (IIг⁴ и IIг³). Орнаментированных сосудов учтено 76 экз. Из них горшков: с шаровидным туловом — 38, банкообразных — 19, с округлым туловом — 16, сосудов типа кружек без ручки — один, один миниатюрный горшок и одна дисковидная крышка с ручкой. Орнамент наносился на сосуды по цветному ангобу после его подсушки, но до обжига⁶.

На части сосудов можно проследить расположение орнамента по зонам (I — плечо, II — тулово, III — придонная часть).

На банкообразных горшках он расположен по всем трем зонам, на горшках с шаровидным туловом — по двум зонам (I—II) (следует учесть, однако, что из-за неполноты сохранившихся форм горшков с шаровидным туловом на них редко удается проследить зональное расположение орнамента). На горшках с округлым туловом орнамент большей частью расположен в I зоне. Все зоны орнаментов разделены кольцевыми разграничивающими линиями.

На небольшом количестве остальных учтенных сосудов зональное расположение орнаментов не прослеживается.

При выделении элементов орнамента за один элемент принимается один простейший знак. Таких элементов насчитывается 12: 1) треугольник; 2) полосы; 3) зиг-

¹ Массон В. М. и Сариниди В. И. О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы//Вестник древней истории. 1969. № 1. С. 98; Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения)//Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 8; Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии//Труды Института этнографии. Т. 42. М., 1959. С. 79—109; Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев эпохи неолита//Советская археология. 1965. № 1—2. С. 35—41.

² Горбунова Н. Г. The Culture of Ancient Fergana. L., 1986. P. 191.

³ Горбунова Н. Г. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры//Труды Гос. Эрмитажа. XX. Л., 1979. С. 139.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Использую коды, предложенные Н. Г. Горбуновой. (Там же. С. 116—125).

⁶ Литвинский В. А. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н. э.). М., 1973. С. 161.

заги; 4) углы; 5) углы из ряда отрезков линий; 6) косая штриховка; 7) сетка; 8) спирали; 9) флажки; 10) крест; 11) стилизованное дерево; 12) изображение головы животного.

Некоторые из них, соединяясь, дают следующий уровень: сложные элементы (простые сюжеты), к которым относятся:

1^{a-b} — три вида треугольников с различными заполнениями:

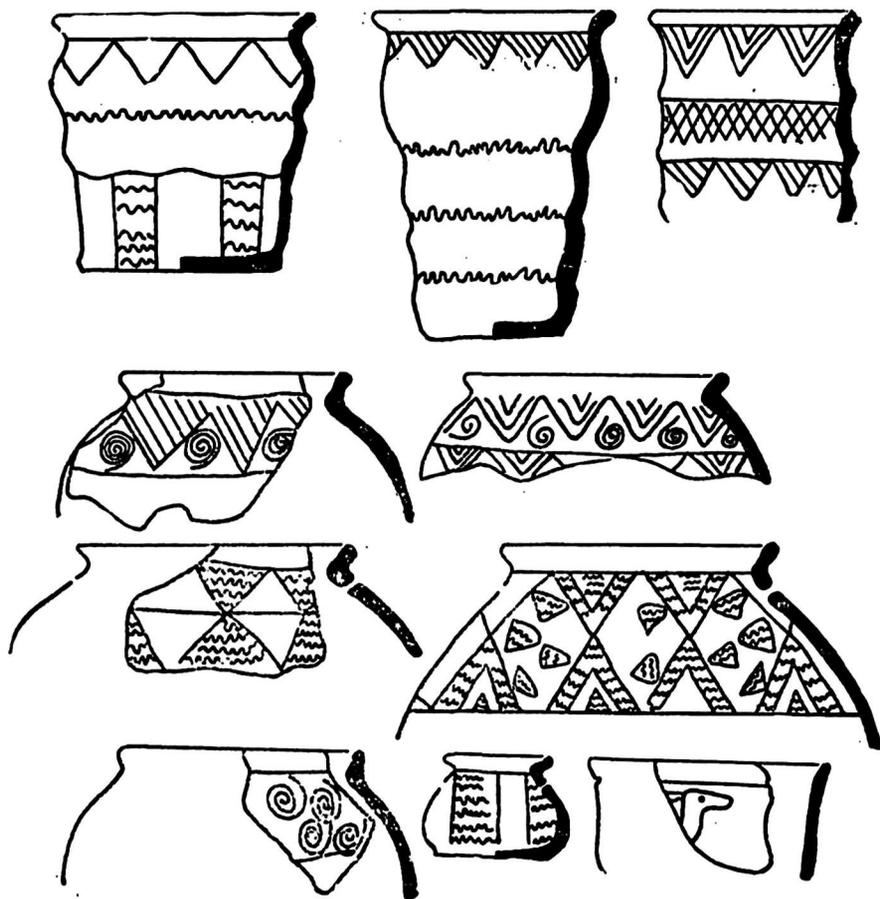
1a⁽¹⁺⁵⁾ косой штриховкой,

1b⁽¹⁺³⁾ зигзагами,

1в⁽¹⁺⁴⁾ углами;

2⁽²⁺³⁾ — полоса, заполненная зигзагами.

1. Три вида треугольников с различными заполнениями (см. выше) — нанесены на 49 сосудах, причем преобладают треугольники, заполненные косой штриховкой (23 раза), затем треугольники, заполненные зигзагами (14 раз), и треугольники, заполненные углами (12 раз). В целом они составляют 64% всех элементов орнамента. Нанесены на все типы горшков, преимущественно — с шаровидным туловом (28 раз), банкообразные (16 раз), с округлым туловом (4 раза) и один раз — на крышку. Во всех случаях треугольники расположены в первой зоне, вершинами вниз и опоясывают сосуд по плечикам. На горшках с шаровидным туловом треугольники встречаются в одной зоне в сочетании с зигзагами, спиралями, а также в отдельности, а на банкообразных горшках и горшках с округлым туловом встречаются, наоборот, только в отдельности, в одной зоне, без других элементов.

2. Полосы — встречаются только в виде заполненных зигзагами (см. выше). Встречены в 5 случаях на банкообразных горшках, всегда в третьей зоне и без сочетаний в этой зоне с другими элементами и видами орнамента, которые нанесены в первой и второй зонах сосудов. Кроме того, они встречены один раз на горшке с округлым туловом в первой зоне и на миниатюрном горшке — также в первой зоне. В обоих случаях — тоже без сочетания с другими видами орнамента.

3. Зигзаги — либо встречаются отдельно, либо располагаются между треугольниками, либо заполняют треугольники и полосы (см. выше). Нанесены 41 раз. Из них на горшках с шаровидным туловом встречаются 15 раз в первой и во второй зонах, чаще в виде заполнения треугольников; на банкообразных горшках 14 раз встречены во всех зонах; в первой зоне всегда заполняют треугольники, а во второй и третьей зоне встречаются без сочетания с другими видами орнамента. На горшках

с округлым туловом 12 раз встречаются в отдельности вертикально нанесенные зигзаги; они занимают первую и вторую зону.

4. Углы — встречены 12 раз только в виде заполнений треугольников (см. выше). В 8 случаях встречены на банкообразных горшках, во всех случаях — в первой зоне без сочетаний с другими элементами орнамента, в остальных случаях встречены на горшках с шаровидным туловом в первой зоне. Дважды треугольники, заполненные углами, встречаются в сочетании со спиральями, в остальных случаях — в отдельности.

5. Углы образованные рядами отрезков линий, — встречены всего 5 раз. На горшках с шаровидным туловом встречены три раза, всегда во второй зоне, в отдельности; на банкообразных горшках один раз — во второй зоне, другой раз — в третьей зоне, оба раза — в отдельности.

6. Косая штриховка — встречена 24 раза; только один раз является самостоятельным орнаментом на горшке с округлым туловом. В 23 случаях заполняет треугольники; на горшках с шаровидным туловом встречена 11 раз и расположена в первой и второй зоне; на банкообразных горшках — 8 раз и, кроме единственного случая, всегда в первой зоне и 4 раза — на горшках с округлым туловом, всегда в первой зоне.

Остальные элементы встречаются в различных сочетаниях, но не образуют новых фигур.

7. Сетчатая полоса — встречена всего два раза. На банкообразном горшке нанесена во второй зоне, а на горшке с шаровидным туловом — в первой зоне. В обоих случаях — без сочетаний с другими элементами.

8. Спирали (завитки) — нанесены на 17 сосудов; и только на горшках с шаровидным туловом в первой зоне. Встречаются либо в сочетании с треугольниками с разным заполнением, либо сами образуют группы спиралей-завитков.

9. Флажки — встречены всего на двух сосудах, оба раза на горшках с шаровидным туловом, в сочетании с зигзагами.

10. Крест — встречен один раз на горшке с шаровидным туловом, в сочетании с зигзагами, как бы заполняя пространство между этими полосами.

11. Стилизованное дерево — встречено всего один раз на горшке с округлым туловом, в отдельности, во второй зоне.

12. Изображение головы животного — нанесено на кружке без ручек во второй зоне без сочетаний с другими элементами орнамента.

Из этих простых и сложных элементов создаются мотивы и сложные композиции, покрывающие сосуды, чаще всего с применением треугольников, зигзагов, полос, заполненных зигзагами, и спиралей.

Композиции, учтенные нами, прослеживаются на банкообразных горшках и горшках с шаровидным туловом; на банкообразных горшках это в основном — сочетание треугольников (нанесенных только в первой зоне) с зигзагами (во второй зоне) и с полосами, заполненными зигзагами (в третьей зоне). В редких случаях во второй и третьей зоне вместо названных выше видов орнамента нанесены или углы из рядов линий (по одному разу во второй и в третьей зонах), или сетчатая полоса (во второй зоне). На горшках с шаровидным туловом композиция чаще всего состоит из двух рядов треугольников, обращенных вершинами друг к другу, и зигзагов, а также спиралей, заполняющих пространство между треугольниками.

Анализируя орнамент на сосудах, отметим, что наиболее богато украшены горшки с шаровидным туловом. Именно здесь встречены все основные виды орнамента в самых разнообразных сочетаниях. На втором месте — банкообразные горшки, на третьем — горшки с округлым туловом.

Пока, до более полного анализа орнамента керамики из других ферганских поселений и могильников, можем только отметить, что богато орнаментированные горшки с шаровидным туловом в наибольшем количестве встречены именно на Куюктепа I и реже — в других местах. Особенностью их является наличие четырех отверстий под венчиком, что свидетельствует о том, что их подвешивали. Не исключено, что они могли служить для хранения молочных продуктов.

В дальнейшем, возможно, удастся рассмотреть семантику орнамента, а также, учитывая традиционное осмысление треугольников, зигзагов, спиралей и пр. как знаков пола, воды, змей, солнца и т. д.⁷, проследить связь определенных видов и композиций орнамента с сосудами разного назначения. Однако это надо будет делать на материалах не одного, а многих ферганских памятников.

С. Кудратов

⁷ Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975; Бобринский А. А. О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии // Труды Ярославского областного съезда. М., 1902; Антонова Е. В. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры // Советская археология. 1972. № 4; Амброз. Раннеземледельческий культовый символ // Там же. 1965. № 3.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПАРТИЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Условия перестройки, революционного обновления всех сфер жизни советского общества требуют коренного улучшения всей работы в области культуры, образования, идейно-политического воспитания масс. «Сегодня,— подчеркивает М. С. Горбачев,— когда партия призвала к тому, чтобы мыслить и работать по-новому, необходимо во многом и по-новому строить процесс образования и воспитания. Прежде всего речь идет о творческом подходе, о необходимости ломки догматических методов и методик преподавания общественных наук»¹.

Особо важное значение имеет совершенствование методики преподавания марксистско-ленинской философии. Это требует, во-первых, перестройки программ, подготовки новых лекций, обновления учебников, а во-вторых, широкого использования в лекциях партийных документов.

Значимость широкого использования партийных документов при чтении лекций по марксистско-ленинской философии очевидна. Необходимость использования их носит объективный характер, обусловленный особенностями самой марксистско-ленинской философии. Основная особенность ее — неразрывная связь с реальностями современной эпохи, с новизной внутренних и международных экономических и политических процессов нашего времени. Сегодня, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «в фокусе теоретической мысли партии — сложный комплекс проблем, вытекающих из современного, переломного характера развития нашего общества, мира в целом»². Это требует от лектора анализа теоретического и фактического материала в свете решений партийных документов, в которых раскрывается и реализуется историческое значение идей марксизма-ленинизма как самой передовой социальной философии современности.

Коренное свойство марксистско-ленинской философии — ее творческий характер. Чуждая узколобному догматизму, она «обеспечивает активное взаимодействие новаторской теоретической мысли с практикой, с самым ходом революционной борьбы»³. Отсюда — значимость высокого научного, теоретического уровня лекций по марксистско-ленинской философии. Использование партийных документов повышает их теоретическую ценность, убеждает в глубокой научной обоснованности политики партии.

Приводя соответствующие документы, лектор должен руководствоваться определенными методическими требованиями как общего, так и частного характера. Общее методическое требование состоит в том, что лектор должен не просто использовать партийные документы как важный иллюстративный материал, а стараться — и это главное — вскрывать теоретические и методологические основы этих документов. Другое общее методическое требование: использование партийных документов должно соответствовать внутренней структурной организации курсов марксистско-ленинской философии. Поэтому теоретически и методически целесообразнее использовать партийные документы в связи с соответствующими разделами курса диалектического и исторического материализма. Тогда философские труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и партийные документы будут изучаться в тесной связи друг с другом и со всеми материалами, освещающими те или иные философские проблемы. В ряде случаев целесообразно сопоставить произведение классиков марксизма-ленинизма и партийные документы, посвященные одним и тем же проблемам, чтобы проследить развитие определенных идей и положений.

Что касается конкретных методических приемов и требований, то они связаны с различными аспектами использования партийных документов. На наш взгляд, при чтении лекций по диалектическому и историческому материализму партийные документы могут быть использованы в следующих аспектах:

- как дальнейшее воплощение ленинского этапа в развитии философии марксизма.
- как теоретическая и методологическая основа лекций,

¹ Учить по-новому мыслить и действовать. Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева // Коммунист. 1986. № 15. С. 6.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 84.

³ Октябрь и перестройка: революция продолжается: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 г. // Коммунист. 1987. № 17. С. 6.

- как эффективнейшее средство идейно-политического воспитания студентов,
- как важнейшее средство обоснования и реализации идей и положений классиков марксизма-ленинизма,
- как стимул дальнейшего совершенствования социально-философских исследований в нашей стране,
- как идейное оружие в критике современной буржуазной философии.

Особое значение имеет раскрытие важности партийных документов как дальнейшего воплощения ленинского этапа в развитии марксистской философии. В курсе диалектического и исторического материализма при изложении тех или иных тем лектору следует выделить то новое, что внесено партийными документами в философию марксизма. Это еще более укрепит убеждение студентов в творческом характере марксистской философии и будет содействовать развитию научного мышления.

Следует убедительно показывать, что в документах КПСС последних лет дан всесторонний марксистско-ленинский анализ диалектики современного общественного развития. Никогда еще достижения и проблемы реального социализма, его теория и практика не исследовались столь глубоко и обстоятельно, как это сделано в партийных документах послеапрельского периода. XXVII съезд партии, последующие Пленумы ЦК КПСС, XIX Всесоюзная партконференция своими документами способствовали разработке вопросов совершенствования социализма, специфики неантагонистических противоречий при социализме и их разрешения. Надо обратить внимание студентов на то, что, обобщая практику социалистического строительства, XXVII съезд КПСС сделал принципиальные теоретические выводы о сущности социализма как первой фазы коммунистической формации, о необходимости, наряду с анализом экономической стороны общественной формации, анализа ее с точки зрения социальной характеристики, о новом мышлении применительно к разным сферам жизни и т. д. В партийных документах акцентируется внимание на необходимости анализа диалектики производительных сил и производственных отношений не только в рамках способа производства материальных благ, но и общественной жизни в целом. Особое внимание в них уделено теме «наука и социализм», выявлению социальных противоречий и альтернатив в развитии науки, раскрытию объективных и субъективных источников этих противоречий.

В указанных документах принципы и положения диалектического и исторического материализма нашли свое применение и дальнейшее развитие. Это — диалектические положения об общем и особенном в общественном развитии, о роли субъективного фактора в реализации объективных законов общественного развития, о формах связи науки и производства, культуры, образования, о механизме распределения ресурсов в науке и их влиянии на производственные отношения, об адаптации молодых специалистов к познавательным и социально-этическим нормам науки, о придании социализму форм, соответствующих условиям и потребностям научно-технической революции, интеллектуальному прогрессу советского общества.

Методически очень важно показать, что конкретизация и дальнейшее развитие в партийных документах теоретических положений марксистско-ленинской философии базируются на всестороннем и глубоком научном анализе того нового, что внесла современная эпоха в соотношение сил на международной арене, на учете многообразия реальных и конкретных возможностей, порожденных современной обстановкой с точки зрения путей, способов, форм, промежуточных этапов перехода общества от капитализма к социализму, на учете специфики современного, переломного этапа в развитии советского общества, на всестороннем учете не только производства, но и других факторов общественного развития и прежде всего человеческого фактора, а также природных особенностей развития различных стран.

Студенты должны ясно усвоить следующее:

1. Постоянное обращение партии к мыслям, идеям В. И. Ленина — не просто дань огромного уважения, не только признание ленинского авторитета. Насущной потребностью общественного развития продиктовано, как подчеркивает М. С. Горбачев, стремление возродить как можно полнее в современных условиях дух ленинизма, теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма;

2. Творческий марксизм-ленинизм остается научной, идейно-теоретической, мировоззренческо-методологической базой нового типа общественного прогресса, методом осмысления и разрешения проблем современной мировой эпохи;

3. Творческое использование и развитие теоретических, мировоззренческих и методологических принципов марксизма-ленинизма есть выражение коллективного разума партии, результат многогранного опыта революционной борьбы почти ста коммунистических и рабочих партий мира;

4. Овладение идеями и методом марксизма-ленинизма — требование, касающееся не только руководителей и организаторов, не только работников идеологического фронта. Оно касается всех.

Надо также показать студентам, что на основе положений партийных документов философы-марксисты проводят большую и плодотворную научную работу. В настоящее время исследования по марксистско-ленинской философии характеризуются

стремлением покончить с имевшими в прошлом место догматизмом и субъективизмом, схематизмом и цитатничеством, устаревшими стереотипами и всякого рода схоластическим теоретизированием. Идет процесс всестороннего утверждения и развития качественно нового мышления и отнюдь не только применительно к решению внешнеполитических проблем.

В качестве теоретической и методологической основы партийные документы могут и должны быть использованы также при чтении лекций по философским проблемам конкретных наук. В партийных документах содержатся важные общие положения, касающиеся возрастающего значения и особенностей взаимодействия философии и современной науки. В них отчетливо проходит мысль о том, что возрастающее значение единства марксистско-ленинской философии и конкретных наук обусловлено объективными процессами, характерными для развития современной науки. Это связано, во-первых, с ускорением научного прогресса, возрастанием темпов научно-технической революции. Необходимость взаимосвязи философии и современной науки, возрастающее значение этой взаимосвязи обуславливаются и такими объективными процессами, характерными для развития современной науки, как дифференциация и интеграция научных знаний.

Другого рода проблемы связаны с социальными последствиями различных направлений развития науки. Так, уже сейчас остро встают вопросы о социально-этическом регулировании научных исследований в области генетики человека, проблемы этики генетического контроля. При рассмотрении этого вопроса необходимо обратить внимание студентов на проходящее красной нитью почти во всех партийных документах положение о том, что в современной науке социально-этические проблемы возникают при рассмотрении каждого отдельного научного открытия, отдельной научной задачи и по отношению к целям науки в целом. Поэтому нынешние дискуссии по этическим проблемам науки не есть нечто временное, проходящее. Они становятся неотъемлемой чертой научной деятельности. Партия исходит из того, что социально-этические проблемы науки могут и должны быть решены на широкой гуманистической основе, предполагающей утверждение приоритета блага человека.

Раскрывая содержание и значение марксистско-ленинского учения о соотношении философии и естествознания, надо убедительно показать студентам, что провозглашенный В. И. Лениным союз философии и естествознания не был тактическим ходом, временным явлением. Союз философии и частных наук — органическая часть всей политики нашей партии, которая строит свою многогранную созидательную деятельность на строго научной основе. «Принципиальной, выверенной основой естествонаучного и социального познания,—говорится в новой редакции Программы КПСС.— была и остается диалектико-материалистическая методология. Ее нужно и дальше творчески развивать, умело применять в исследовательской работе и общественной практике»⁴.

Говоря об использовании партийных документов в преподавании марксистско-ленинской философии, следует выделить и такой важный аспект, как необходимость повлиять идейно-теоретический, учебно-методический уровень преподавания, приблизить его к практике, избавить лекции и семинары от упрощенных представлений о социализме, устранить далеко зашедшую дифференциацию в преподавании общественных наук, междисциплинарные барьеры, усилить глубину содержания и яркость языка преподавания общественных дисциплин.

В связи с возросшим объемом задач перед преподавателями общественных наук остро ставится вопрос о необходимости перехода от монолога к диалогу, в частности предлагается широко практиковать проблемное чтение лекций, откровенно обсуждать события, волнующие общество, молодежь. «Нам нужно,—подчеркивает М. С. Горбачев,— чтобы марксистско-ленинские убеждения молодежи были результатом глубоких раздумий, поисков... и открытий — по крайней мере для себя»⁵. Воспитывая у студентов творческий подход к пониманию целей и средств социалистических преобразований, непримиримость к догматизму, мы должны разъяснить и убедить студентов в том, что марксизм-ленинизм — это «классически эталонные уроки революционной диалектики. Нужно показать, что «на новых реальностях жизни, на новой информационной основе вполне возможны обогащение классического фонда, постижение новых законов общественного бытия», что «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин решали задачи своего времени. Они оставили нам великое наследие своих достижений и открытий... Но любым наследием надо пользоваться умело, тем более таким гениальным, как марксизм-ленинизм, таким, которое по своей природе антидогматично...»⁶ Споры, дискуссии ведутся не для того, чтобы «утопить» истину, не для того, чтобы у каждого оставалась «собственная» точка зрения, а для того, чтобы защитить истину, укрепиться на правильных позициях, овладеть марксистско-ленинской методологией познания и преобразования действительности.

⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 167.

⁵ Коммунист. 1986. № 15. С. 6.

⁶ Яковлев А. Н. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки//Коммунист. 1987. № 8. С. 9—10.

Очень важно продумать в свете задач, выдвинутых в партийных документах, воспитательную направленность лекций. Воспитательные функции лекций по марксистско-ленинской философии должны быть направлены прежде всего на формирование у студентов высокой идейности и принципиальной гражданской ответственности, советского патриотизма и интернационализма, навыков защиты идеологических ценностей социалистического общества, взглядов и убеждений.

«Развертывая борьбу за оздоровление общества,— подчеркивает М. С. Горбачев в докладе на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС,— партия с самого начала исходила и исходит из того, что под эту огромную работу необходимо подвести прочный фундамент убеждения»⁷. Это общая задача идеологического воспитания, которую преподаватели философии решают совместно с другими работниками идеологического фронта. Между тем философская подготовка студентов и, соответственно, лекции по диалектическому и историческому материализму должны преследовать и особые цели. С первых же лекций мы должны вызвать у студентов интерес к философии, восприятие ее не как учебного курса, а как науки. Мы должны раскрыть особенности философии как науки, показать, что философия является не только наукой, стоящей в одном ряду с другими науками, что она — не только методология и логика научно-теоретического мышления, но и специфическая форма общественного сознания, которая выполняет в обществе функцию мировоззрения. Мы должны выработать у студентов умение выделить мировоззренческие аспекты марксистско-ленинской философии, утвердить в них прочное убеждение в том, что надежным средством их общественно-политической и научно-практической ориентации может служить лишь марксистско-ленинское мировоззрение.

При чтении лекций по диалектическому и историческому материализму партийные документы могут быть широко использованы и как важнейшее средство обоснования и реализации идей и положений марксизма-ленинизма. Но при этом очень важно, чтобы дело не сводилось к использованию партийных документов лишь как готовых примеров для подтверждения истинности диалектико-материалистических законов. Надо глубоко и обстоятельно анализировать теоретические принципы партийных решений, доводя до сознания студентов их ленинские методологические основы. Лекции и семинарские занятия по марксистско-ленинской философии должны ориентировать студентов на такое изучение партийных документов, когда их содержание рассматривается в тесной связи со сложными и динамичными процессами современной общественной жизни, в связи с новыми теоретическими проблемами внутреннего и международного развития.

Все большая ориентация общественных наук на преодоление инерции антикоммунизма требует от преподавателей широкого использования на лекциях и семинарских занятиях партийных документов, обнаруженных впервые или публикуемых с уточнениями. Так, осмыслению исторического опыта КПСС в области демократизации внутрипартийной жизни может способствовать изучение протоколов VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП⁸, справок, составленных в 1925—1928 гг. Организационно-распределительным и Информационным отделами ЦК партии⁹ и др.¹⁰ А изучение проблемы человека, проблемы личности сегодня невозможно без использования документов, связанных с именами партийных и государственных деятелей¹¹. Вопрос этот настолько остр и актуален, что его обсуждение требует специального рассмотрения. В нашей философской литературе даны лишь первые ответы, предприняты первые попытки в этом направлении¹². Сегодня, когда необходимо оценить прошлое с чувством исторической ответственности и на основе исторической правды, особое значение приобретают такие важнейшие требования марксистско-ленинской методологии, как историзм, партийность, классовый и общечеловеческий подход к оценке исторических событий и личностей. Как подчеркивается в докладе М. С. Горбачева, посвященном 70-летию Великого Октября, нам «нужны правдивые оценки... всех... периодов нашей истории особенно сейчас, когда развер-

⁷ Материалы Пленума ЦК КПСС, 27—28 января 1987 г.//Коммунист. 1987. № 3. С. 43.

⁸ Протоколы VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП//Коммунист. 1988. № 8, 9.

⁹ См.: Документы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС//Коммунист. 1988. № 5.

¹⁰ Блюм Р. Обращаясь к источникам: Фридрих Энгельс о внутрипартийной демократии//Коммунист. 1988. № 2.

¹¹ См.: Нельзя называть рационализацией мелкие исправления: Документы В. В. Куйбышева. К 100-летию со дня рождения//Коммунист. 1988. № 7; Бухарин Н. Политическое завещание Ленина: Доклад на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина//Коммунист. 1988. № 2; Лычев Р. А. И. Рыков, революционер, политик и человек: Очерк//Известия. 1988. № 65; и др.

¹² См.: Иванов А. А., Пухликов В. К. Проблемы человеческого существования в романе А. Рыбакова «Дети Арбата»//Вопросы философии. 1988. № 1; Юсупов Э. Ю. Перестройка и повышение идейно-политической зрелости кадров//Вопросы философии. 1987. № 10.

нулась перестройка,— нужны не для того, чтобы сводить политические счета или, как говорится, надрывать душу, а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов»¹³. И в этом деле огромную роль призвано сыграть умелое использование партийных документов.

Д. Майбурова

¹³ Коммунист. 1988. № 17. С. 10.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ БУХАРЫ XVI ВЕКА

В Бухаре в отдельные десятилетия XVI в. наблюдалось известное оживление литературы, искусств, ремесел, торговли и строительства.

Один из таких периодов приходится на время правления Убайдаллах-хана (1533—1539). Эти годы вообще отмечены значительным расширением социальной базы культурной и литературной жизни среднеазиатских городов¹.

Сравнительно высокий уровень культурного развития Бухары того времени подтверждается данными, извлеченными нами из до сих пор не изданных бухарских вакфных грамот. Они содержат ценный материал о хозяйственной и культурной жизни городского населения, градостроительстве и т. п.

Конкретные данные этих документов, сопоставленные и дополненные сведениями письменных сочинений, позволяют, например, выявить, что нередко вместе с имущественным в вакф в пользу медресе или мечети завещалось большое количество книг²; указывается, что при культовых учреждениях имелись библиотеки (китабхане), а также должности библиотекаря (китабдара)³. О построенной, например, Абдалазиз-ханом китабхане в Бухаре того периода рассказывает автор «Музакир ал-ахбаб»⁴.

Из документальных источников мы узнаем, что в Бухаре имелись и книжные лавки. По данным вакфнаме 978/1570—71 гг., ряд из них помещался в купольном пассаже Чахарсук-и Аханин, называемом также Так-и Китабфурушан⁵. Среди различных ремесел в Средней Азии, в частности в Самарканде, была развита выделка высокосортной писчей бумаги⁶. Основная часть сочинений того времени написана на самаркандской бумаге.

Большой интерес представляют данные об архитектурных памятниках Бухары XVI в. Судя по документам, в Бухаре в период правления Шейбанидов было построено значительное число мечетей, ханако и медресе⁷. Некоторые из них сохранились до наших дней и служат вещественными памятниками строительной деятельности архитекторов и народных зодчих Средней Азии рассматриваемого периода.

К таким монументальным постройкам относится и медресе Мир-и Араб, выстроенное по распоряжению шейха Шамсаддина Абдаллаха ал-Араби ал-Йамани ал-Хадрамаути, известного под именем Мир-и Араб, откуда и название медресе.

Медресе находится в центральной части города, составляя единый архитектурный ансамбль с известным минаретом и мечетью Калан, его архитектурный облик неоднократно описан в литературе⁸.

Извлечение из вакфных документов и рукописных сочинений позволяют несколько расширить сведения об этом памятнике.

По данным «Гушан ал-мулук», Убайдаллах-хан выделил на строительство этого медресе часть суммы, полученной от продажи 3000 шиитских пленников⁹. В «Та'рихи Салими» указывается, что Убайдаллах-хан отдал Мир-и Арабу всю

¹ Болдырев А. Н. Зайнадин Васифи: Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957. С. 253—274.

² ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, д. 1, 41, 55/14, 1186/3, 1194/3, 1195/6.

³ Там же, д. 1195/6.

⁴ Ходжа Хасан Нисари. Музакир ал-ахбаб: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 4282, л. 29.

⁵ ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, д. 24/1.

⁶ Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976. С. 95—103.

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, д. 1, 2, 16, 24/1, 55/2.

⁸ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936. С. 58; Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948. С. 124—125; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965. С. 328—329.

⁹ Мухаммад Йа'куб. Гушан ал-мулук: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 12, л. 1246, 125а.

казну иранского полководца Наджми Сани для возведения медресе¹⁰. По сведениям же авторов «Тухфат аз-за'ирин» и «Тарихи Саййид Рахим», средствами для постройки медресе послужили бесчисленные дорогие подношения хана Мир-и Арабу¹¹.

Как бы то ни было, строительство медресе источники тесно связывают с именами Убайдаллах-хана и Мир-и Араба.

О времени строительства медресе Мир-и Араб, а также о самом строителе говорится в различных письменных источниках¹². Согласно этим данным, постройка медресе была начата после победы Убайдаллах-хана, одержанной им в 918/1512 г. в Гиждуване над сефевидскими войсками хана Исмаила I.

По случаю же окончания строительства медресе Маулана Мир Али Катиб написал следующее четверостишие (та'рих):

«Тот, кто построил Мир-и Араб,— гордость неарабов.
Это — восхитительное высочайшее медресе.
Его восхитительность в том, что хронограмма его
«Высочайшее медресе Мир-и Араб».

Цитированный та'рих (хронограмма) дает дату 942/1535—36 гг. Видно, на этом основании постройку памятника относят к 942/1535—36 гг.¹³ Однако, по данным грамоты в пользу медресе Мир-и Араб, постройку его можно отнести к более раннему времени, поскольку сама грамота, оформлявшая вакф в пользу указанного медресе, была составлена в 934/1527 г.¹⁴

Можно полагать, что медресе действительно существовало уже к 1527 г. Так, в названной грамоте подробно описываются медресе и его границы. В тексте говорится: «Медресе включает в себя высокие своды, великоленные купола, верхние и нижние помещения, один дом для чтецов [Корана] и водоем; все это, в совокупности, расположено напротив соборной мечети упомянутого города». Далее детально обозначены границы медресе. Попутно отметим указание в тексте на то, что часть восточной и южной границ медресе примыкают «к законной вакфной земле, [принадлежащей] медресе Мауланы Мухаммада Мискина».

Итак, можно считать, что само медресе Мир-и Араб было выстроено к 1527 г., а отделочные работы и, быть может, возведение дополнительных пристроек продолжались еще несколько лет. Так, на наш взгляд, можно объяснить датировку постройки здания 1536 г. Этим же, пожалуй, должно быть объяснено предположение некоторых исследователей о более ранней дате постройки медресе, ибо мозаичная облицовка в северном портале была нанесена, по данным исследователей, в 1530 г.¹⁵

Согласно вакфной грамоте 934/1527 г., медресе Мир-и Араб было построено в ансамбле с минаретом, большой соборной мечетью Калан и медресе Мауланы Мухаммада Мискина. Последнее, как уже отмечалось, упоминается в грамоте 1527 г. среди объектов, граничащих с медресе Мир-и Араб. Постройку медресе Мауланы Мухаммада Мискина некоторые источники датируют 1020/1611—12 гг.¹⁶ Согласно же вакфиаме 1527 г., оно уже существовало к моменту оформления данной грамоты¹⁷.

Сведения о строителе-заказчике медресе имеются в «Самарат ал-машанх»¹⁸. Автор этого агнографического труда рассказывает, что Маулана Мухаммад-Амин Мискин был верховным судьей (акза ал-куззат) Бухары, родом из потомков известного казны Мауланы Мухаммада Мискина¹⁹. Здесь же говорится о том, что

¹⁰ Мирза Салим-бек. Та'рих-и Салими: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2016, л. 206.

¹¹ Та'рих-и Саййид Рахим: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2731, л. 1186—1196; Насириддин ал-Ханифи. Тухфат аз-за'ирин. Литогр. изд. Бухара, 1910. С. 100.

¹² Фазлаллах ибн Рузбихан Исфгани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя)//Пер., предисл. и прим. Р. П. Джалиловой. М., 1976. С. 78—79; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи'/Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. Т. 1. М., 1961. С. 161—164, 384—351 (на перс. яз.); Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2094, л. 32; Абдаррахман Тамкин-и Бухари. Матале' ал-фахира ва маталиб аз-захира: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 8245, л. 40, 282, 383—384а.

¹³ Ходжа Хасан Нисари. Музакир ал-ахбаб, л. 166.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, д. 16.

¹⁵ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Бухара. М., 1949. С. 30.

¹⁶ Шарифджан Махдум. Маджмуа'-и тазкор: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2193, л. 2456, 420а.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, д. 16.

¹⁸ Саййид Занде Али-муфти. Самарат ал-машанх: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2619/11, л. 2416—242а.

¹⁹ Видно, речь идет об известном в первой половине XV в. самаркандском казни Шамсиддине Мухаммаде Мискине. См.: Бартольд В. В. Улугбек и его время//Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 132, 158.

казий построил внутри старого хисара («хисар-и кадим») медресе, «которое известно». В источнике указано, что с 885/1480—81 гг. он в течение 12 лет состоял на службе у Ходжи Ахрара. Можно предположить, что медресе было построено при жизни казия Мауляны Мухаммада Мискина.

Наиболее интенсивным строительством монументальных зданий различного назначения в Бухаре была ознаменована вторая половина XVI в. При Абдаллах-хане II (1557—1598) были воздвигнуты два медресе, образовавших архитектурный комплекс Куш-медресе, в пользу которых и были составлены вакфные грамоты²⁰. Восточное медресе, называемое Мадар-и хан, было построено в 974/1566—67 гг., а западное, называемое медресе Абдаллах-хана,— в 998/1589—90 гг.²¹

В вакфных грамотах XVI в. упоминаются также мечети, ханаки, медресе, известные под названиями: Амир Йар-Мухаммад-атка садр, Мухаммад-Рахим султан, Кулбаба Кукалташ, Базар-и Пийаз, Базар-и Карбас, Саррафан, Саррафхане, Устад Рухи, Дарб-и Самарканди, Джами'-и Ханим, Ак-Мухаммад-диван, Инайат-ходжа, Хазрат-и Шайх Абдаллатиф, Михтар Пайанде и многие другие.

Одни из этих объектов (Кулбаба Кукалташ, Саррафан, Устад Рухи) известны в исследовательской литературе, но цитированные вакфные грамоты приводят дополнительные сведения о них; другие (Амир Йар-Мухаммад-атка садр, Мухаммад-Рахим султан, Базар-и Пийаз, Дарб-и Самарканди, Джами'-и Ханим) — известны были ранее лишь по названию, место их нахождения установлено именно по сведениям из названных грамот; третьи (Базар-и Карбас, Саррафхане, Ак-Мухаммад-диван, Инайат-ходжа, Хазрат-и Шайх Абдаллатиф, Михтар Пайанде) — стали известны благодаря тем же грамотам.

Таким образом, комплексное изучение документальных и рукописных источников позволяет раскрыть многие еще нерешенные вопросы, касающиеся монументальных построек Бухары.

Наличие в Бухаре указанного периода значительного числа памятников зодчества, созданных руками талантливых мастеров из народа, позволяет говорить о дальнейшем развитии архитектурного творчества и строительного дела. Вместе с тем оно свидетельствует о том, что духовная жизнь того времени находилась под неусыпным контролем мусульманской религии. Об отрицательном влиянии религии на эстетическое развитие населения говорит, например, такой факт. В условиях названной выше вакфной грамоты 1527 г. оговаривается, что обитателям медресе запрещается слушать развлекательные рассказы и музыку или, точнее, некоторые формы музыкальных пьес. В тексте сказано: «Пусть жители воздерживаются от пустого времяпровождения как выслушивание забавных рассказов и участия в сборищах с исполнением накша, савта, амала, кавла и тарана»²².

Это пока единственный из известных нам документальных источников, где упоминаются такие формы средневековых музыкальных произведений, как накш, савт, амал, кавл и тарана, популярные в музыкальной культуре Бухары рассматриваемого времени²³. Вместе с тем он отражает непримиримую борьбу идеологов ортодоксального ислама с представителями светской культуры. Увлечение музыкой приравнивалось к запрещенным мусульманской религией азартным играм, винопитию и другим развлечениям. Но, судя по развитию музыкальной культуры, эти запреты зачастую нарушались на практике.

Как видим, данные вакфных грамот могут помочь нам в решении ряда проблем историко-культурного значения не только Бухары, но и всего региона в указанный период.

Г. А. Джураева

²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, д. 2, 24/1, 55/2.

²¹ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. С. 62—63.

²² Накш — небольшая музыкальная пьеса, сочиняемая в определенных несложных ритмах, текст которой состоял из бейта или рубаи; савт — очень популярная в XVI в. музыкальная форма; амал — сложное вокальное произведение, сочиняемое на тексты персидские, тюркские или арабские, в определенных ритмах; кавл — вокально-инструментальное произведение, состоящее из нескольких частей, сочиняемое на арабские стихи, в определенных ритмах; тарана — вокальное сочинение малой формы. См.: Рашидова Д. А. Дарвиш Али Чанги и его трактат о музыке (Мавераннахр, XVI—XVII вв.): Канд. дис. Ташкент, 1981. С. 28, 88—94.

²³ ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, д. 16.

ИСТОРИОГРАФИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСЛАМОВЕДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В. В. БАРТОЛЬДА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Злободневные события нашего времени, в том числе события последних лет в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, резко усилили внимание исследователей

к изучению сложных, противоречивых и порой, казалось бы, столь неожиданных в современных условиях явлений повышения роли ислама в жизни этих стран. Ощутимая реальность активизации исламской идеологии выступает подчас весьма немаловажным фактором общественной жизни значительной части современного человечества.

По словам акад. Е. М. Примакова, наше время — свидетель «устойчивого, а не кратковременного влияния ислама на политические процессы» и «возрастающей политизации ислама», претендующего на тотальное слияние религиозных, экономических и общественно-государственных систем и внедряющего в массовое сознание модернизированные («неотрадиционалистские») лозунги и понятия исламской идеологии¹. Действительно. Мы внимаем сейчас тому, с какой настойчивостью и размахом светская (по своему фактическому содержанию) власть стремится придать себе в некоторых мусульманских государствах «религиозное обаяние» (слова В. В. Бартольда), провозглашая приоритет установлений ислама и придавая ему самую различную окраску — от монархической до «социалистической».

Все это поставило перед советскими востоковедами ряд новых, неотложных задач с тем, чтобы восполнить обозначившиеся в свете указанных выше событий и явлений некоторые пробелы в их освещении и анализе, ибо не секрет, что размах и глубина предпринимавшихся исследований были недостаточными, некоторые злободневные аспекты данной проблемы не учитывались в должной мере и порой в той или иной степени ускользали из поля зрения. И наши востоковеды не оказались на первых порах во всеоружии предвидения и своевременного анализа таких событий и явлений самого последнего времени, как возникновение в мусульманских странах новейших течений в исламе и его модернизаций, обострение и расширение суннитско-шинитских внутри- и межгосударственных противоречий, свершение народной революции в Иране под эгидой исламского духовенства, с переходом власти в руки религиозных деятелей и т. п.²

В этом ракурсе с новой силой привлекает к себе внимание исламоведческое наследие акад. В. В. Бартольда, которое давно и по праву обрело широкую известность и всеобщее признание. Достаточно напомнить о высочайшей оценке его трудов по изучению ислама, данной И. Ю. Крачковским, констатировавшим, что ученого с таким кругозором и такой суммой работ широкого охвата, как В. В. Бартольд, в истории исламоведения еще не было и что его работы «послужат школой для ряда поколений, если научному исламоведению у нас суждено развиваться»³.

Действительно. Повторное обращение к исламоведческому наследию В. В. Бартольда убеждает, что в определенной и немалой своей части оно сохраняет отнюдь не только чисто историографическое значение, но оказывается весьма полезным и для исламоведов наших дней, занятых изучением различных концепций и форм проявления ислама в современных странах зарубежного Востока.

Наряду с содержащимися в нем выводами и посылками, на которые время наложило неизбежный отпечаток устарелости и которые (идейно и методологически)

¹ Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982. С. 71, 72, 74, 75, 79.

² См., напр.: Дорошенко Е. А. О некоторых религиозных институтах в деятельности шиитского духовенства в современном Иране // Религия и общественная мысль народов Востока. М., 1971; Его же. Шиитское духовенство в современном Иране: 2-е изд., доп. и испр. М., 1985; Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1974; Полонская Л. Р., Ионова А. И. Экономические проблемы развивающихся стран и современный ислам // Азия и Африка сегодня. 1976. № 11; Ионова А. И. Современная идейная эволюция и ислам // Народы Азии и Африки. 1976. № 6; Жмуйда И. В. Пакистан: исламские принципы в экономике // Азия и Африка сегодня. 1980. № 4; Примаков Е. М. Ислам и процессы общественного развития стран зарубежного Востока // Вопросы философии. 1980. № 8; Керимов Г. М. Ислам и его влияние на общественно-политическую жизнь народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1982; Степанянц М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX—XX вв.). М., 1982; Ульяновский Р. А. Иранская революция и ее особенности // Коммунист. 1982. № 10; Зарубежный Восток: Религиозные традиции и современность // Отв. ред. Л. Р. Полонская. М., 1983; Религии мира: История и современность. Том первый. М., 1983; Ахмедов А. Ислам в современной идейно-политической борьбе. М., 1985; Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х — начало 80-х годов XX в.). М., 1986.

³ Крачковский И. Ю. В. В. Бартольд в истории исламоведения // Известия АН СССР: Отделение общественных наук. 1934. № 1. С. 18; так же: Избранные сочинения. Т. V. М.; Л., 1958. С. 356. И. Ю. Крачковский же отметил и ту положительную и отличительную черту исламоведческих работ В. В. Бартольда что в отличие от исламоведов — арабистов по специальности он был хорошо знаком «со всеми периодами жизни мусульманского мира — и арабским, и персидским, и монголо-турецким» и к тому же присматривался «к жизни и мусульманского, и христианского Востока в их взаимоотношениях» (В. В. Бартольд в истории исламоведения... С. 13), не отделяя «истории религии от истории жизни и культуры» (с. 15).

нуждаются в критическом пересмотре, мы констатируем в то же время, что среди этих выводов и посылок «о прошлом и будущем мусульманства» немало и таких, которые удивительно свежо и метко, порой даже провидчески, перекликаются с современными событиями и реальной действительностью ряда стран Ближнего и Среднего Востока, где ислам в его ортодоксальных и модернистских проявлениях занимает видное место в социально-политической жизни.

Наша цель — показать на ряде конкретных примеров значение исламоведческого наследия В. В. Бартольда для правильного понимания некоторых существенных аспектов тех сложных и противоречивых явлений, которые присущи исламу наших дней и которые связаны с общественно-политической жизнью ряда государств и народов современного Востока.

Верным и главствующим был сам системный подход В. В. Бартольда к изучению многовековой истории эволюции ислама, в которой он видел процесс весьма прозаического и жизненно вынужденного приспособления к конкретным условиям и обстоятельствам того или иного отрезка времени в зависимости от стечения определенных политических, экономических и культурных факторов.

Начнем с того, что В. В. Бартольд был одним из тех немногих востоковедов мирового класса и, пожалуй, едва ли не единственным в отечественной ориенталистике, кто на протяжении всей своей научной деятельности упорно и настойчиво осуждал и отвергал как ошибочные, предвзятые и во многом субъективные и умозрительные представления об исламе как явлении, якобы уже полностью отжившем свой исторический век.

Всю жизнь В. В. Бартольд возражал против упрощенной трактовки такого общественного явления, как ислам, против попыток его предвзятого рассмотрения, пренебрежительных и высокомерных о нем суждений, что «может вредно отзываться на понимании мусульманской культуры как явления всемирной истории, со всеми его светлыми и темными сторонами».

Неизменно резко и убежденно опровергал В. В. Бартольд ложные, предвзятые и оторванные от реальной действительности представления некоторых его современников о том, что ислам — религия мертвая, навеки застывшая, явление не более чем пережиточного характера, как то представлял себе еще Гегель с его утверждением, якобы «ислам давно сошел со всемирной исторической арены и вновь возвратился к восточному покою и неподвижности»⁴. Достаточно напомнить, к примеру, как решительно осуждал В. В. Бартольд одного автора (М. В. Лаврова) за то, что, по его мнению, «ислам — окаменелый враг прогресса». В. В. Бартольд писал, что «если враг «окаменел», то и слава богу, тогда он может жить только в «каменном росте», а не в жизни... Но ислам ничуть не окаменел, а сохранил до сих пор... достаточную долю жизнеспособности и умение приспособиться к обстоятельствам»⁵.

В. В. Бартольд выражал несогласие с утверждением такого авторитета, как Снук-Хургронье, что «процесс приспособления» окончился для ислама в X в. н. э., после чего начался застой духовной жизни мусульман. В. В. Бартольд говорил, в частности, о «таком важном для мусульманского мира факте, как окончательный разрыв между шиитами и суннитами, совершившийся только в XVI в. и глубоко отразившийся на психике народных масс»⁶.

Именно сейчас, когда в мусульманских странах возникает столько разновидностей ислама, вплоть до «ислама социалистического», «ислама революционного» и т. п., уместно вспомнить указание В. В. Бартольда на вероятность того, что, сообразясь с влиянием общественно-политических и экономических факторов, мусульманские богословы станут «признавать предшественниками Мухаммеда не только Ноя, Авраама, Моисея и Христа, но также Брахму, Будду, Конфуция и Заратустру»⁷.

⁴ Гегель. *Философия истории*//Сочинения. Т. 8. М., 1935. С. 339. «Эта мысль, высказанная в начале XIX в., — замечает М. Т. Степанянц, — была справедливой для того времени» (см. его: «Мусульманские концепции в философии и политике». М., 1982. С. 3). Думается, что это положение автора излишне категорично и справедливее говорить о его относительности. Из «мертвого» и «окаменевшего», как это представлялось Гегелю и даже ориенталистам (в том числе более позднего времени), взиравшим со стороны на якобы «застывший», «окаменевший», «застойный» и отсталый Восток, едва ли могло произрасти то оживление ислама, которое вызревало в новых исторических условиях, не теряя связи и преемственности с его предшествующей историей.

⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, ЛФО, ПБО, папка 1, пакет 19 (письмо от 25 февраля 1912 г.). Ср. со словами В. В. Бартольда: «Прогресс — характерный признак Запада, застой — характерный признак Востока: таково ходячее мнение, с которым представителям научного востоковедения придется вести медленную и трудную борьбу» (Теократическая идея...//Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 303).

⁶ Мусульманский мир. Т. I. Вып. I. 1917. С. 54. (Сочинения. Т. VI. С. 487).

⁷ Бартольд В. В. *Ислам*//Сочинения. Т. VI. С. 133.

На свои штудии по истории ислама В. В. Бартольд распространял требование и условие избегать «всяких узких предрассудков, национальных, религиозных»⁸. «Цели Ваших статей об исламе,— писал В. В. Бартольд Н. П. Остроумову,— противоположны целям всех моих работ. Вы свои взгляды на прошлое и будущее мусульманства опираете на авторитет Ренана и других; я стараюсь разрушить эти авторитеты и устранить с пути научного исследования предрассудки и преждевременные обобщения»⁹.

Примечательно, что одним из существеннейших недостатков современной ему ориенталистики В. В. Бартольд считал то, что «вопрос о воплощении идей в жизнь, о зависимости этого процесса не столько от эволюции самих идей, сколько от фактов жизни народных масс оставался невыясненным»¹⁰.

В этом плане отнюдь не случайной была и та активность, с которой В. В. Бартольд поддержал предпринятую в 1912 г. попытку «издавать на русском языке научный журнал с целью «выяснения действительной жизни (разрядка В. В. Бартольда.— *Б. Л.*) мусульманских народов в прошлом и настоящем»..., принимая во внимание все культурные, политические, экономические и другие влияния, которыми, помимо религиозных основ мусульманской культуры, определялись и опередаются как действительное содержание жизни мусульманских государств и народов, так и стремление и идеалы их выдающихся представителей»¹¹.

Стрелы В. В. Бартольда направлялись как против апологетов ислама, всячески идеализировавших ранний этап его распространения, когда якобы и существовали в своем чистом и первоизданно-идеальном виде ортодоксально теократические государства мусульманского мира, так и против позднейших взглядов европейских ориенталистов, утверждавших, якобы и в новое время государствам Востока было присуще господство теократического принципа, исключавшего возможность соуправления ему таких форм правления, как бюрократическая монархия, аристократия, демократия. Иллюзорно, по В. В. Бартольду, и первое, и второе, ибо никогда, ни раньше, ни позже, догматы ислама не могли приобрести «безраздельного господства над жизнью»¹².

Даже при халифах — преемниках пророка Мухаммеда — в их владениях идеологии теократии противостояла или, во всяком случае, сопутствовала идеология светского государства. Возрастало расхождение между религиозным учением и бюрократической светской системой. Реальная власть переходила из рук халифов к султанам. Положение, что всякая верховная власть исходит от духовных владык — халифов, — становилось фикцией. «В самом Коране,— замечал В. В. Бартольд, — было найдено предписание повиноваться светской власти», властям предержавшим (Коран, IV, 62). Престол и алтарь были силами, поддерживавшими друг друга. «Таким образом, религии было оставлено только то значение, какое она имела и у мусульманских народов и в каком исламу никогда не отказывали светские правители»¹³.

Справедливо отмечено, что, судя уже по самым ранним исламоведческим штудиям В. В. Бартольда, стимулом для них «послужили современные ему события (конца XIX в.) и стремление понять сложившееся положение и предсказать будущие судьбы мусульманских народов»¹⁴.

Действительно. Еще в 1912 г. В. В. Бартольд провидчески писал, что «с мусульманским движением приходится считаться, как с фактором, который несомненно будет использован той или другой стороной в мировой борьбе за политическое преобладание и за торговые рынки»¹⁵, что и имеет место в наши дни.

Вместе с тем В. В. Бартольд не брался предсказывать, «какова будет дальнейшая судьба мусульманского движения и как оно отразится на ходе мировой борьбы за торговые рынки и политическое преобладание»¹⁶.

⁸ Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации...//Сочинения. Т. I. С. 607—608.

⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, ЛФО, ПБО, пакет 14, л. 135.

¹⁰ Бартольд В. В. Мусульманский мир... С. 77—78 (Сочинения. Т. VI. С. 282).

¹¹ [Бартольд В. В.] От редакции [журнала «Мусульманский мир»]//Сочинения. Т. VI. С. 365, 367.

¹² Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть//Отчет о состоянии и деятельности СПб. университета 1902 г. СПб., 1903. С. 1—25 (Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. С. 318).

¹³ Бартольд В. В. Теократическая идея...//Сочинения. Т. VI. С. 309—310.

¹⁴ Халидов Б. А. Предисловие к VI тому Сочинений В. В. Бартольда. М., 1966. С. 7.

¹⁵ Бартольд В. В., рец.: Н. П. Остроумов. Исламоведение. I. Аравия, колыбель ислама Ташкент, 1910. 278 с.//ЗВОРАО. Т. XX. 1912. С. 073—082 (Сочинения. Т. VI. С. 340).

¹⁶ [Бартольд В. В.] От редакции [журнала «Мусульманский мир»]//Сочинения. Т. VI. С. 374.

Подчеркнем, что отдельные высказывания В. В. Бартольда по истории ислама объективно были весьма близки к марксизму. Он видел, например, порочность работ некоторых зарубежных ориенталистов по исламу в том, что «предметом (их) исследований оставался до конца мир идей; эволюция рассматривалась без связи с явлениями хозяйственной и политической жизни» и «безотносительно к вопросу «насколько теоретическим построениям соответствовала действительная жизнь народных масс в разные периоды мусульманского мира»¹⁷, и отмечал в связи с этим, что и в наше время предписания ислама и его догмат о предопределении «не мешает теперь представителям мусульманского движения проявлять энергию, которой могли бы завидовать представители многих общественных организаций в Европе».

Обратимся теперь к некоторым конкретным примерам того, насколько общественная зоркость и острая наблюдательность В. В. Бартольда-исламоведа позволяли ему делать выводы, столь живо вспоминающиеся ныне в связи с событиями в современном мусульманском мире, в некоторых странах которого, как говорилось выше, в наши дни бытуют модернистские начала в столкновении ислама даже в «социалистическом»¹⁸ духе или, наоборот, в духе возврата к его начальным, строго ортодоксальным основам во всей их «священной» чистоте и непогрешимости.

В этом последнем ракурсе особо поучителен пример Ирана. Поразивший весь мир могучий взрыв всенародного гнева в этой стране, сочетающий в себе все черты народной революции с чертами переворота, свершившегося под знаком исламской религии, при ближайшем рассмотрении как раз и оказался следствием засилья в Иране нового времени капиталистических государств и в последние годы шахского правления особенно американского империализма (что и способствовало взрыву недовольства масс в 1978 г.).

И это побуждает вспомнить слова В. В. Бартольда: «Экономический прогресс сопровождается и в мусульманском мире, как везде и всегда, подъемом национального самосознания и развития культурных сил и стремлений. По той же причине вполне понятно то выдающееся участие, которое принимают в мусульманском движении жители областей, перешедших под власть европейских держав¹⁹. В этом отношении европейские (и в более широком смысле — западные. — Б. Л.) правительства неоминенно сами способствовали возникновению движения, в котором некоторые из них видят для себя существенную опасность». И введение в мусульманских странах «европейской системы управления» не могло не «способствовать» подъему среди мусульман религиозного и национального самосознания²⁰.

Известны также слова В. В. Бартольда о том, что религиозная оболочка была присуща «восстаниям народа против притеснителей» и что здесь во имя религии от народа требовали беспрекословного повиновения. В поисках «на земле правды божьей» взоры народных масс обращались к духовным вождям, которые «искусно пользовались каждым проявлением слабости со стороны светского правительства, чтобы поднять свой авторитет»²¹.

В связи с ходом событий в Иране нельзя не вспомнить и высказываний В. В. Бартольда о сущности такого религиозного движения, как бабизм. Полемицируя с мнением западноевропейских авторов (Браун, Ромер и др.), искавших корни бабизма в чисто религиозной идее, В. В. Бартольд полагал, что они «слишком узко ставят вопрос о политических интересах и политических элементах в религиозном движении», в то время как «исследователь не имеет права искать исключительно в области религии ответа на вопрос о происхождении (религиозных) движений и в особенности о причинах их успеха»²². В. В. Бартольд подчеркивал при этом, что бабизм не случайно был связан прежде всего с теми условиями и с той обстановкой, которая была присуща именно Ирану и что проповедь веротерпимости не мешала Беха-Улле, как и Бабу, стоять в этом отношении больше на почве шиитского ислама, т. е. на той почве, на которой возшло в наши дни и учение Хомейни.

А указание В. В. Бартольда на то, что «наше представление о бабизме как историческом явлении (разрядка В. В. Бартольда. — Б. Л.) останется не-

¹⁷ [Бартольд В. В.]. От редакции [журнала «Мир ислама»] (см. № 1 журнала за 1912 г., с. 429).

¹⁸ В связи с чем уместно вспомнить указание в «Манифесте Коммунистической партии» о полной неспособности феодальных и мелкобуржуазных разновидностей «социализма» «понять ход всемирной истории» в попытке «вновь насильственно втиснуть современные средства производства в рамки старых отношений собственности» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 448, 450).

¹⁹ В. В. Бартольд не говорит о европейских державах как о державах именно капиталистического мира, но весь контекст приводимых выше его высказываний позволяет современному читателю мысленно иметь в виду именно это обстоятельство.

²⁰ [Бартольд В. В.]. От редакции [журнала «Мусульманский мир»]//Сочинения. Т. VI. С. 374.

²¹ Бартольд В. В. Теократическая идея...//Сочинения. Т. VI. С. 303.

²² Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. С. 394.

полным, пока не будет рассмотрен вопрос, насколько успеху движения содействовали условия жизни, особенно экономические, в Персии XIX века»²³, целиком и полностью относится и к методологии изучения возглавленного Хомейни движения в современном Иране.

Очень важно при этом учитывать, что революции 1978 г. предшествовали 60—70-е годы, проходившие под знаком быстрого и ощутительного продвижения Ирана по пути капитализма. Так называемая «белая революция» (как бы ни оценивались ее направленность и характер) означала конец безраздельного господства класса помещиков-феодалов и овладение главствующими позициями в иранской экономике финансово-промышленной и бюрократической буржуазией при сохранении всей полноты политической власти в руках превратившегося в крупнейшего капиталиста шаха и его окружения²⁴. Получили известное, пусть ограниченное, развитие культура и просвещение и резко увеличилась численность населения городов. В рядах рабочего класса усугубился антагонизм между основной его массой и привилегированной верхушкой, всячески задабриваемой шахом.

Не вдаваясь в подробности, можно констатировать, таким образом, что ко времени революции 1978 г. и свержения шахского режима Иран был ареной несколько своеобразного, но широкого развития капитализма, страной капиталистического мира.

Массу горячего материала революции образовывали все еще обездоленное большинство крестьянства и численно умножавшиеся городские низы (включая ряды городских пауперов). Возраставший разрыв между богатством и бедностью приводил в движение и социально пеструю мелкую и среднюю торговую и промышленную буржуазию.

Даже эта предельно сжатая схема социально-экономической жизни Ирана пред-революционного времени отчетливо свидетельствует, что приход к власти Хомейни и его сторонников свершился в причудливом сочетании глубокого и широкого недовольства масс существующими порядками со слепой верой в социальную справедливость учения ислама и ореол святости имама Хомейни. При всем этом переворот свершался не в условиях феодально-патриархального застоя и средневекового облика страны, а в условиях уже четко обозначившейся социальной дифференциации населения, широкого проникновения в экономику страны капитализма и тесных связей с государствами капиталистической системы.

Именно в этих условиях после свержения шахского режима и совершился переход власти в руки имама Хомейни и его окружения. Усиленно насаждается идея создания истинно теократического государства, свободного от «чужеродного» влияния и примесей светской политики и начал и функционирующего в строжайшем соответствии с заповедями и нормами Корана, дополненными хадисами и правилами шариата, и только в таком своем первоизданном виде способными, дескать, обеспечить жизнь, достойную всех истинно верующих мусульман. Известно, что «учение» имама (аятоллы) Хомейни (основы которого изложены в его книге «Исламское правительство») воздает хвалу ортодоксальной, чисто религиозной системе управления и безоговорочно осуждает светскую политическую систему как прямое «творение Сатаны».

Защита интересов «обитателей трущоб от обитателей дворцов» требует, по Хомейни, создания бесклассового монотеистического общества, в котором и правительство, и меджлис будут руководствоваться «божественными законами», а над всеми институтами светской власти будет пребывать никому не подчиняемый верховный духовный вождь — знаток Корана, ахбаров и шариата. Иными словами, речь идет именно о теократическом государстве, верховную власть в котором должна осуществлять духовная элита во главе с имамом, без разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную и без допущения каких-либо других общественных движений, кроме ортодоксального исламского.

«Ислам,— поучает Хомейни,— означает все, в том числе все то, что в западном мире называют свободой и демократией. Да, ислам содержит все, ислам включает все, ислам — это все... Не существует вопросов, по которым ислам не вынес бы своего суждения... Подлинный авторитет в вопросах законодательства (это) не представители народа или короля; подлинный авторитет в вопросах законодательства — только бог»²⁵.

Таково кредо главы мусульманского духовенства Ирана. Позволим себе в связи с этим процитировать строки из работы В. В. Бартольда 1915 г.: «Изданные (основателем ислама) государственные законы частью вошли в священное писа-

²³ Там же. С. 399.

²⁴ О процессах трансформации в структуре иранской промышленной буржуазии см.: Загвоздкина М. Н. Развитие капитализма и обострение социальных противоречий в иранском городе (60—70-е годы)// Народы Азии и Африки. 1983. № 6. С. 100—106.

²⁵ Хомейни. Исламское правительство (цит. по: Globe and Mail. Toronto, 1980. 12 Jan.).

ние — Коран — и потому сохраняют для верующих на все времена такую же обязательную силу, как догматы религии.

«В теории, таким образом,— замечал В. В. Бартольд,— в мусульманском государстве не может быть ни законодательной власти, ни законодательной деятельности; все должно быть, оставаться неизменным, как было установлено пророком и разъяснено толкователями его учения; всякое нововведение в области государственной и общественной жизни есть преступление против веры. Исследования специалистов показали, что жизнь в этом случае, как и во всех других, мало соответствует теории, что в действительности история мусульманского мира вообще и мусульманской государственности в особенности представляет картину такой же сложной эволюции (развития), как история Европы»²⁶. В. В. Бартольд, как видим, отвергал возможность существования в прошлом и настоящем ортодоксальных теократических государств мусульманского мира в их чистом и первоизданном виде. Действуя в своих интересах, правители мусульманских стран Востока никогда не отказывали в покровительстве исламу, ибо «в самом Коране было найдено предписание повиноваться светской власти» и «престол и алтарь были силами, поддерживавшими друг друга».

Между тем сейчас в Иране осуществляется попытка образовать, вопреки всему, ортодоксально теократический способ правления.

Однако уже свыше 80 лет назад В. В. Бартольд зорко подметил, что «каковы бы ни были основы религиозной реформы, она будет только новым выражением теократической идеи, но не даст ответа на вопрос, как наилучшим образом устроить человеческие отношения на грешной земле», поскольку «и на мусульманском Востоке, как везде, требования религии всегда подчинялись требованиям земной жизни, а не наоборот»²⁷.

Вещие слова! Весь ход событий в Иране последних лет — живое свидетельство того, что «земная жизнь» властно берет свое, и апологетам теократической системы правления неизбежно приходится с этим считаться, причудливо сочетая регрессивные идеи возрождения «счастливого» времени политического теократизма с идеями некоего социально-экономического эгалитаризма, без чего голая идеология теократизма, как таковая, была бы не в состоянии найти путь к умам и сердцам широких кругов социально неоднородного общества.

Как видим, религиозная оболочка в системе современного государственного управления в Иране не может скрыть того, что властям волей неволей приходится считаться не только с предписаниями Корана, но и с реальными задачами сегодняшнего дня в существующей в стране трудной, сложной и противоречивой обстановке, как в сфере внутренней, так и в сфере внешней политики, маневрировать между религиозными и светскими установлениями. Это закономерное расхождение между теорией и практикой, на неизбежность которого и указывал много лет назад В. В. Бартольд, исходя из изучения общей истории ислама и солидаризируясь с мнением других ориенталистов, что «религии вынуждены применяться к обстоятельствам действительной жизни, а не наоборот, и ислам в этом отношении не составляет исключения»²⁸.

Кстати сказать, ссылки на необходимость суровых кар в отношении «преступлений против веры» нередко обращаются не более чем в удобное прикрытие явно субъективистских и ясно выраженных действий верхов клерикального духовенства в отношении тех, в ком они видят представителей общественно-политической оппозиции и носителей враждебной им светской идеологии²⁹. Под этим углом зрения весьма характерны события в том же Иране. Напомним, что жестокой, бесчеловечной расправе над членами Народной партии Ирана (Туде) предшествовала политика нейтрализации, а затем и разгрома других массовых организаций из числа тех, которые активно участвовали в антишахском движении и подвергались суровым преследованиям шахских властей и которые отнюдь не были чужды приверженности к исламу и густой религиозной окраски.

Как не вспомнить здесь о той же работе В. В. Бартольда «Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве», некоторые строки которой кажутся написанными будто бы именно сейчас, прежде всего в связи с событиями в Иране³⁰.

В самом деле. Касаясь живучести теократической идеи на мусульманском Востоке как «орудия политических стремлений», В. В. Бартольд замечал, что «достиже-

²⁶ Бартольд В. В. Турция, ислам и христианство//Сочинения. Т. VI. С. 413.

²⁷ Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть//Отчет о состоянии и деятельности СПб. университета 1902 г. СПб., 1903. С. 1—25 (Сочинения. Т. VI. С. 318).

²⁸ Бартольд В. В. Ислам...//Сочинения. Т. VI. С. 96.

²⁹ [Бартольд В. В.]. От редакции [журнала «Мусульманский мир»]//Сочинения. Т. VI. С. 367.

³⁰ Сочинения. Т. VI. С. 303—319.

ние светской власти всегда заставляло религиозных вождей идти по стопам низвергнутых ими деспотов», ибо переход от деспотизма «к более совершенным формам правления» возможен лишь «при условии развития общественного самосознания и понимания тех законов, которыми в действительной жизни, а не в построениях теоретиков мусульманского права определяется жизнь народов и государств»³¹.

Говоря словами В. В. Бартольда, перед нами — своеобразный процесс превращения мусульманской общины верующих «в деспотическое государство обыкновенного типа»³².

И что характерно: всем этим власти Ирана как раз и не замедлили воспользоваться для широкой травли «подрывных» левых организаций и расправы над ними.

Как не вспомнить и здесь меткого указания В. В. Бартольда на то, что «тот же джихад давал возможность занять беспокойные элементы и отвлечь их от борьбы с правительством»³³.

А мировая печать отмечает, что в операциях иранской армии активно участвуют десятки тысяч молодых иранцев, недостаточность боевой подготовки которых перекрывается внушенным им религиозным фанатизмом и готовностью к смерти в качестве «борцов за веру», коим суждено «вечное блаженство» как павшим за правое дело ислама.

И тут всплывают в памяти указания В. В. Бартольда на то, что положения Корана призваны «были вызвать... религиозное одушевление» во имя «успехов мусульманского оружия» и что сам «джихад (война за веру) был прежде всего источником материальных благ».

В статье, написанной в 1914 г., В. В. Бартольд напоминал, что уже при владычестве Омейядов «были люди, понимавшие, что завоевания только вредят интересам религии и обращают общину верующих в деспотическое государство обыкновенного типа»³⁴. Как отмечал В. В. Бартольд, «так как исход вооруженной борьбы также считался (в исламе) выражением божьей воли, то в жизни представление о божьей воле как единственном источнике силы часто сводилось к признанию права силы»³⁵.

Известно, что и в наши дни некоторые идеологи и даже правящие круги отдельных стран Востока отнюдь не чужды концепции панисламизма и надежд на политическое объединение всего мусульманского мира, хотя как раз весь ход современных событий свидетельствует, что эта идеология не в состоянии на деле обеспечить тесного единства стран того же арабского мира и устранить существующие между ними (порой весьма острые) политические разногласия и противоречивые факторы экономической и политической жизни. В несправедливо забытой статье В. В. Бартольда «Панисламизм», написанной еще в 1914 г., он, проследивая различные стадии развития идей «джихада» в истории ислама, приходит к выводу, что «все эти попытки вызвать к жизни и использовать для определенных целей утопию панисламизма не имеют, конечно, ничего общего ни с исламом как с религией, ни с прошлым мусульманских народов»³⁶.

В этой же статье В. В. Бартольд, в частности, обратил внимание на то, что даже раскол между суннитами и шиитами отнюдь не сводился к вопросам религии. И далее, как бы имея в виду события наших лет, В. В. Бартольд констатировал, что «утопия политического объединения всего мусульманского мира, в виде одного государства или союза государств, встречается... до наших дней, но всегда в виде доктрины не столько религиозной, сколько политической. большей частью только как средство для достижения вполне определенных политических целей»³⁷.

Поразительно жизненная формулировка!

Известно, далее, что в наши дни в Иране резко усилилась тенденция к возврату женщин «на свое место», т. е. к тем нормам их жизни и быта в обществе, какие предусмотрены исламом (Коран и хадисы). Соответственно этим предначертаниям главы государства вводится ряд ограничений роли женщин в общественной жизни страны с некоторыми уступками, вызванными уже прочно сложившимися ус-

³¹ Там же. С. 303.

³² Там же. С. 401.

³³ Бартольд В. В. Турция, ислам и христианство//Сочинения. Т. VI. С. 420.

³⁴ Бартольд В. В. Панисламизм//Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1914. 24 окт. № 14452 (Сочинения. Т. VI. С. 401).

³⁵ Бартольд В. В. Халиф и султан//Сочинения. Т. VI. С. 45. Ср. с поразительно широким и разносторонним толкованием джихада в разных странах наших дней: джихад — оборона против агрессии; джихад — революционная борьба за освобождение угнетенных народов; джихад — достижение необходимого экономического и военного потенциала для противостояния иноземной агрессии. — вплоть до джихада в понимании Хомейни как войны за конечное утверждение торжества законов Корана во всем мире — «исламского правления во всемирном масштабе».

³⁶ Бартольд В. В. Панисламизм//Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1914. 24 окт. № 14452 (Сочинения. Т. VI. С. 402).

³⁷ Там же.

ловиями жизни и трудовой деятельности женской части населения, что относится правящими верхами к числу реформ, вытекающих из сущности ислама.

И здесь нельзя не согласиться с мнением В. В. Бартольда, что «прочного улучшения положения женщины можно ожидать не от реформ на почве ислама, но от прогресса форм общественной и культурной жизни»³⁸.

Из всего сказанного выше, разумеется, не вытекает вывод о том, что В. В. Бартольду были присущи умение и способность всестороннего и глубокого, с позиций исторического материализма, анализа процесса становления и развития мусульманства, его религиозных учреждений и связанных с их идеологией и деятельностью общественных явлений и что мы вправе искать в его исламоведческом наследии ответов чуть ли ни на все вопросы современной жизни мусульманских стран, что было бы наивно и неоправданно.

Вместе с тем подробное, в свете новейших достижений науки, рассмотрение идейно-социальной основы трудов В. В. Бартольда по истории ислама, столь своеобразно сочетающих в себе стихийно-материалистические прозрения с идеалистической трактовкой многих аспектов проблемы изучения ислама, вполне заслуживает специального исследования.

Остается несомненным достоинством изысканий В. В. Бартольда по истории ислама, что во многом, притом нередко решающем, ему, как никому другому из отечественных ориенталистов того времени, была присуща способность видеть и распознавать реальные, земные корни возникновения ислама и его развития во времени и пространстве, связь его основополагающих концепций и положений с хозяйством и политикой, спецификой религиозной и светской жизни, общественного устройства населения отдельных местностей, проследить эволюцию ислама и его ответвлений в условиях нового и новейшего времени в различных странах и сложное, противоречивое переплетение на практике светских и религиозных начал в странах Востока.

Непреодолимый интерес В. В. Бартольда к уяснению положения и роли ислама в современной ему действительности в сочетании с огромной эрудицией и прозорливостью ученого придают исламоведческому наследию В. В. Бартольда значение ценнейшего вспомогательного источника и к изучению состояния и роли ислама и пониманию его сущности в странах Ближнего и Среднего Востока наших дней.

Б. В. Лукин

³⁸ Бартольд В. В. Первоначальный ислам и женщина//Историк-марксист. 1939. № 5—6. С. 239 (Сочинения. Т. VI. С. 650). В. В. Бартольд остроумно заметил, что на личность женщины Коран смотрит «почти исключительно с точки зрения ревнивого мужа» (Ислам... С. 36).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Р. КАРИМОВ. ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В МЕТОДЕ ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

(Ташкент: Фан, 1988. 151 с.)

Рецензируемая работа посвящена анализу диалектического восхождения от абстрактного к конкретному в объективной действительности, процессе познания и практической деятельности общественного субъекта. На этой основе делается попытка раскрыть диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному в единстве его объективных оснований и субъективных форм реализации. Актуальность и значимость такого исследования обусловлена настоятельной потребностью диалектической проработки и упорядочения сквозь призму метода восхождения от абстрактного к конкретному огромного материала, накопленного всей современной наукой и общественной практикой.

Во введении дана постановка проблемы, обосновываются ее актуальность, цель и задачи исследования.

В первой главе раскрываются объективные основания восхождения от абстрактного к конкретному. При этом, полемизируя с исследователями, рассматривающими абстрактное и конкретное лишь как категории логики и гносеологии, автор прежде всего отстаивает статус категорий абстрактного и конкретного как всеобщих философских категорий диалектики, работающих не только в логике и гносеологии, но в первую очередь в онтологии. В то же время, раскрывая линию единства диалектики, логики и теории познания, автор закладывает основу всего последующего анализа многообразных форм проявления диалектики абстрактного и конкретного, проявляющейся в логике и гносеологии.

Важное значение для характеристики восхождения от абстрактного к конкретному в объективной действительности, по мнению автора работы, имеет выделение

экстенсивного и интенсивного планов восхождения от абстрактного к конкретному, о чем подробно сказано в работе.

Принципиальным для автора и существенно новым в литературе является всестороннее обоснование положения о том, что процесс восхождения от абстрактного к конкретному выступает одновременно и как процесс формирования конкретного, и как процесс внутреннего становления нового абстрактного (абстрактного нового уровня на базе формирующегося конкретного).

Предлагаемые автором модели восхождения от абстрактного к конкретному позволяют по-новому подойти к характеристике диалектического отрицания и формирования нового качества. В частности, выделение встречных взаимообусловленных аспектов восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному нового уровня дает возможность обнаружить два принципиально различных вида диалектического отрицания. Первый вид диалектического отрицания и формирования нового качества связан с переходом от одного типа системной организации к другому, а второй — с развертыванием потенциально конкретного в актуально конкретное, а потенциально абстрактного — в актуально абстрактное.

Используя выделенные моменты характеристики процесса восхождения от абстрактного к конкретному в объективной действительности, автор во второй главе работы раскрывает многообразие их проявлений в гносеологии и логике, в диалектическом методе восхождения от абстрактного к конкретному. Происходит развертывание ряда важных аспектов диалектики объективного и субъективного в процессе функционирования метода восхождения от абстрактного к конкретному. Подробно раскрывается подобие основных структурных моментов диалектики восхождения от абстрактного к конкретному в действительности и структуры диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному. В итоге дается структурная характеристика метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Большое место в работе занимает анализ в структуре метода восхождения от абстрактного к конкретному места и роли принципов детерминизма и отражения. Показывается их фундаментальная роль как условий и моментов перехода от объективной диалектики восхождения от абстрактного к конкретному к логической форме выражения этой диалектики в методе восхождения от абстрактного к конкретному.

Весьма конструктивной и перспективной, на наш взгляд, следует признать мысль автора о диалектической идее «оборачиваемости метода» как выражения последовательного перехода в процессе восхождения от абстрактного к конкретному с одного уровня анализа на другой, более высокий, но опирающийся на предшествующий. Интересны характеристики глубокой связи метода восхождения от абстрактного к конкретному с методом моделирования.

Исследуя структурные компоненты метода восхождения от абстрактного к конкретному, автор уделяет много внимания выявлению места и роли в нем методов идеализации и мысленного эксперимента. Здесь проявляются и элементы новизны исследования. Так, при характеристике метода идеализации обосновывается необходимость разграничения различных уровней идеализации.

Весьма своеобразную трактовку получил в работе вопрос о соотношении метода восхождения от абстрактного к конкретному с математическими методами. При этом отстаивается тезис о том, что математические методы входят в систему метода восхождения от абстрактного к конкретному. В качестве абстрактных методов диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному раскрывается статус системного моделирования, системного анализа объектов.

Интересны мысли автора о фундаментальной роли диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному в процессе формирования диалектического мышления, его развития, повышения эффективности, воспитания разумных потребностей человека, активизации человеческого фактора в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития страны.

Вместе с тем в работе имеется и ряд упущений. В частности, не все переходы от положений одних параграфов к другим в достаточной мере одинаково логически проработаны. Так, во второй главе в явной форме не обосновывается необходимость перехода от положений § 2 «Активность субъекта познания и взаимосвязь принципов детерминизма и отражения в структуре метода восхождения от абстрактного к конкретному» к положениям § 3 «Метод восхождения от абстрактного к конкретному и его возможности в структуре современного научного знания» и далее к положениям § 4 «Идеализация и мысленный эксперимент в системе метода восхождения от абстрактного к конкретному». Отсюда создается впечатление, что, наряду с предложенным автором вариантом логики изложения, возможен, например, другой вариант, когда положения § 4 рассматриваются непосредственно вслед за положениями § 2, а материал § 3 излагается в конце главы.

В ряде мест первой главы (см., напр., с. 42) недостаточно четко учитывается различие диалектики абстрактного и конкретного в соотношении с диалектикой части и целого. Тем самым неявно происходит их отождествление в онтологической

сфере. Между тем сам автор совершенно справедливо указывает на различие содержания и диалектики этих пар категорий (с. 15—16).

Некоторые сноски перегружены большим количеством указаний на статьи и монографии.

В целом же работа написана на должном уровне и, безусловно, привлечет внимание специалистов.

П. Н. Калошин

ХРОНИКА

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ОПЫТУ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В РЕШЕНИИ ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНОЙ ПРОБЛЕМЫ И ЕГО ЗНАЧЕНИЮ ДЛЯ СТРАН АФРИКИ

В октябре 1988 г. в Ашхабаде состоялась научная конференция на тему «Опыт республик Средней Азии и Казахстана в решении земельно-водной проблемы и борьбе с опустыниванием и его значение для стран Африки».

На конференции с докладами, посвященными проблемам комплексного хозяйственного освоения природных территорий и использования земельно-водных ресурсов в регионе, выступили ведущие ученые и специалисты АН СССР и ВАСХНИЛ, республик Средней Азии, Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР и др.

О проблемах орошаемого земледелия в условиях нарастающего дефицита водных ресурсов в регионе говорил председатель СОПСа АН УзССР, акад. АН УзССР С. К. Зиядуллаев. Он отметил, что для развития орошаемого земледелия в пустынных и малообжитых районах необходимы крупные капитальные вложения на создание не только производственных объектов, но и объектов социальной инфраструктуры. Развитие орошаемого земледелия в республиках Средней Азии дало возможность увеличить валовую продукцию сельского хозяйства в 4—5 раз, особенно ускоренными темпами росло производство хлопка. Это позволило обеспечить прочную хлопковую независимость страны.

Однако в процессе освоения новых земель имелись значительные трудности, были допущены крупные просчеты в изысканиях, проектировании, строительстве и эксплуатации гидромелиоративных систем, что стало причиной засоления и низкой продуктивности земель, ухудшения качества воды из-за сбросов в реки минерализованных дренажных вод; серьезный экологический и экономический ущерб наносит усыхание дельты Амударьи и Сырдарьи, Аральского моря.

Говоря о стоящих в регионе задачах по рациональному использованию земельно-водных ресурсов, С. К. Зиядуллаев отметил прежде всего необходимость реконструкции гидромелиоративных систем, разработки и внедрения комплекса водосберегающих мероприятий, эффективного использования подземных вод и др. Проблема водообеспеченности региона в перспективе потребует кардинальных решений.

Весьма велика роль мелиорации земель как важного фактора научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, обеспечивающего решение насущных народно-хозяйственных и социальных задач, а также проблем борьбы с опустыниванием за счет орошения и инженерного обустройства пустынных и полупустынных территорий, отметил в своем докладе акад. ВАСХНИЛ Б. Б. Шумаков. Значение этого фактора особенно велико для республик Средней Азии — крупнейшего в стране района орошаемого земледелия. Здесь сосредоточено более 7,0 млн. га поливных земель, производится 90% общесоюзного объема хлопка-сырца, возрастает производство зерна, овощей, фруктов, бахчевых и другой продукции сельского хозяйства.

Директор Института пустынь АН ТуркмССР, чл.-кор. АН СССР А. Г. Бабаев остановился на опыте борьбы с опустыниванием и использования земельно-водных ресурсов в республиках Средней Азии и Казахстане. Он отметил положительные результаты борьбы с опустыниванием и негативные последствия его, приводящие к снижению плодородия почвы, дефициту водных ресурсов и представляющие реальную угрозу для здоровья населения. Главным направлением борьбы с опустыниванием должны быть комплексное освоение этих территорий, разработка региональных и международных программ по борьбе с опустыниванием и подготовке квалифицированных кадров.

С докладом о создании системы управления борьбой с опустыниванием по стране в целом выступил зам. директора Института Африки АН СССР, доктор экон. наук Л. В. Гончаров. Он отметил, что система управления должна обеспечивать, во-первых, надежный и своевременный контроль за ресурсоиспользованием и его экологическими последствиями, а во-вторых, — согласованность и целенаправленность действий всей иерархии государственного и отраслевого управления. Это потребует разработки нормативной базы, включающей нормативы платы за использование природных ресурсов, санкции за экологический ущерб и др.

Об опыте борьбы с опустыниванием в республиках Средней Азии и его использовании в условиях развивающихся стран Африки говорил главный научный сотрудник Института Африки АН СССР, доктор экон. наук Г. В. Смирнов. Эффективным началом передачи нашего опыта, сказал он, стали бы создание смешанной консультативной фирмы в одной из стран Африки, совершенствование практики проведения семинаров и учебных курсов по линии ООН (ЮНЕП) на базе Института пустынь АН ТуркмССР.

Сочетанию экономических, социальных и социологических аспектов борьбы с опустыниванием было посвящено выступление доктора геогр. наук Э. Б. Алаева. Он отметил, что до сих пор использование природных ресурсов аридной зоны велось экстенсивно, что, в частности, привело к усыханию Аральского моря. Он подчеркнул, что и при комплексном освоении новых территорий в аридной зоне нужно сохранить природную экологическую систему.

Всего на конференции было представлено 90 докладов и более 30 научных сообщений, причем особое внимание уделено социально-экономическим и экологическим проблемам рационального использования земельно-водных ресурсов в борьбе с опустыниванием.

А. М. Кадыров

В УЗБЕКИСТАНСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

Задачам Узбекстанского отделения Философского общества СССР в свете решений XIX Всесоюзной конференции КПСС было посвящено расширенное заседание бюро Узбекстанского отделения Философского общества СССР, проведенное 7 июля 1988 г. С докладом на заседании выступил вице-президент АН УзССР, чл.-кор. АН СССР Э. Ю. Юсупов. Он отметил исключительное значение пратконференции, которая выявила огромный творческий потенциал партии и народа и вместе с тем поставила перед учеными страны задачи исключительной сложности и важности. В свете этих задач ученым-философам Узбекистана предстоит определить комплекс проблем, направленных на теоретическое обеспечение процесса перестройки в стране; внести соответствующие изменения в планы научных исследований; пересмотреть тематику и планы проведения научных конференций, придать им более актуальный и вместе с тем фундаментальный характер, обеспечив высокий идейно-теоретический уровень; усилить подготовку высококвалифицированных научных кадров; активизировать пропаганду решений XIX партконференции в трудовых и научных коллективах.

Выступивший затем проф. С. Ш. Шермухамедов отметил, что в республике имеется большой научный потенциал для решения поставленных задач. Однако эти научные силы во многом разобщены, нескоординированы, и перед Узбекстанским отделением ФО СССР стоит задача консолидации философских кадров республики, умелой координации их деятельности и мобилизации на решение актуальных философских проблем, поставленных перестройкой, связанных с концепцией социализма, правового государства и др.

В состоявшемся затем обсуждении приняли участие: члены-кор. АН УзССР М. Б. Баратов, М. М. Хайруллаев, профессора К. И. Иванова, Х. П. Пулатов, К. Х. Ханазаров и др.

Члены бюро были ознакомлены со «Справкой о работе организаций Философского общества СССР в Узбекстанской ССР», подготовленной по итогам проверки деятельности Отделения комиссией ФО СССР в феврале 1988 г. В соответствии с содержащимися в ней критическими замечаниями разработан ряд мероприятий по устранению отмеченных недостатков.

Были рассмотрены также меры по улучшению публикации научных трудов философов республики.

С. Ш. Шермухамедов информировал о ходе работы по вовлечению в члены ФО СССР преподавателей и студентов философско-экономического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.

Участники заседания тепло поздравили с 60-летием со дня рождения заведующего кафедрой философии АН УзССР, заслуженного деятеля науки, доктора философских наук, профессора Х. П. Пулатова.

* * *

21 сентября 1988 г. прошло очередное расширенное заседание бюро УзО ФО СССР, рассмотревшее вопросы дальнейшего улучшения деятельности Отделения.

Заседание открыл председатель УзО ФО СССР, чл.-кор. АН СССР Э. Ю. Юсупов, особо отметивший важность улучшения координации научной деятельности философов АН УзССР и вузов республики.

Проф. Т. С. Сандбаев информировал бюро о работе Республиканского координационного совета по философии и научному коммунизму по усилению координации научной работы кафедр философского профиля вузов Узбекистана. Первочередное внимание обращено на устранение мелкотемья, дублирования, параллелизма, повышение актуальности тематики исследований, усиление их связи с запросами общественной практики в условиях перестройки.

В ходе обсуждения данного вопроса выступили чл.-кор. АН УзССР М. Б. Баратов, профессора Х. П. Пулатов, В. С. Никитченко и др.

Были заслушаны отчеты о работе первичных организаций УзО ФО СССР в Институте философии и права АН УзССР, на кафедре философии АН УзССР, в ИПК при ТашГУ им. В. И. Ленина, Высшей партийной школе, а также о деятельности научных секций Отделения; о ходе подготовки к проведению Всесоюзной научно-теоретической конференции «Диалектика поиска возможностей в развитии науки и ускорении НТП»; о подготовке серии научно-популярной философской литературы «Философскую культуру в массы» и регулярной радио-телевизионной передаче «Философские беседы» (на узб. яз.) и др.

Проф. К. И. Шилин (Москва) доложил о философских проблемах экологии, о новых подходах в осмыслении взаимоотношения человека и среды его обитания. Затем состоялась дискуссия по данной проблеме.

Участники заседания тепло поздравили в связи с 50-летием со дня рождения доктора философских наук, лауреата Республиканской Государственной премии им. Беруни М. Н. Абдуллаеву.

* * *

5 октября 1988 г. состоялось первое заседание научной секции УзО ФО СССР «Теория и практика совершенствования национальных отношений». Открывая заседание, председатель секции, доктор филос. наук С. Ш. Шермухамедов отметил, что за 70 лет Советской власти в развитии национальных отношений в нашей стране достигнуты крупные успехи. Однако в последние годы, в условиях застойного периода, в этой области назрели серьезные проблемы. Перед учеными-обществоведами стоит задача глубокого изучения этих проблем с выработкой конкретных рекомендаций по их разрешению.

Дальнейшей активизации исследований в этом направлении и призвана способствовать деятельность данной секции. На заседании были обсуждены вопросы, касающиеся перспективного плана ее работы, выступлений членов секции по радио и телевидению, создания научных студенческих клубов и других организационных мероприятий.

Было заслушано научное сообщение проф. К. Х. Ханазарова «Совершенствование национальных отношений в СССР в свете решений XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции». Особое внимание он уделил проблемам интернационалистического сознания, национального сознания и самосознания, конкретным аспектам национальных отношений в СССР на современном этапе. Эти вопросы вызвали оживленную дискуссию, участники которой указали на ряд важных задач, связанных с необходимостью глубокого философского осмысления указанных проблем с правильных, марксистско-ленинских методологических позиций.

Г. А. Покачалов, А. С. Ачилдиев

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1988 ГОД

№ Стр.

ПЕРЕДОВАЯ

Творческое сотрудничество — важный фактор развития науки . . . 3 3—4

СТАТЬИ

Абдурахманов И. И., Мусаев Ф. З. Радикальная экономическая реформа и система материального стимулирования труда	10	8—16
Абдурахманов Н. И. Методологическое и эвристическое значение принципа структурности	3	34—39
Агзамова С. М. Аграрный вопрос в Индии и позиция Коммунистической партии (И)	8	37—43
Агзамходжаев А. А. Реформа политической системы советского общества	10	3—8
Акбаров Б. А. Об улучшении качества продукции обувной промышленности УзССР	2	9—13
Алимов А. М. О внешнеэкономическом факторе развития производительных сил Узбекистана	4	3—12
Асанов Г. Р. Сельское расселение Узбекистана (Вопросы типологии и некоторые проблемы развития)	2	14—20
Аскарлов А. А. Важнейшее событие в жизни партии и народа	9	3—6
Блиндер И. Б., Каримов Р. К., Перпер М. М. Индивидуальная трудовая деятельность и научные основы разрешения ее противоречий	8	14—22
Валиев А. К. Общее и особенное в осуществлении культурной революции в условиях некапиталистического развития	5	30—37
Вахабов А. Местные Советы и строительство объектов социально-культурного назначения в порядке долевого участия	11	18—24
Воробьева С. И. Право, мораль, обычай: взаимопроникновение и взаимодействие	3	27—34
Воропаев Г. В., Исмайылов Г. Х., Бостанджогло А. А. Интенсификация использования водно-земельных ресурсов рек бассейна Аральского моря с учетом достижений научно-технического прогресса	3	5—14
Голованов А. А. Некоторые аспекты изучения опыта сельскохозяйственного строительства в СССР (1945 — начало 60-х годов)	2	21—26
Зияев Х. З. К изучению национально-освободительных движений в Узбекистане 80—90-х годов XIX века	6	28—36
Зиямов Ш. С., Нуруллин Р. А. Турар Рыскулов	10	32—37
Иноятлов И. Некоторые проблемы развития хлопководства в СССР и США	9	16—24
Искандеров М. За высокое звание члена КПСС, за чистый и честный облик партийца	9	7—16
Ишанов А. И. К 70-летию создания Бухарской Коммунистической партии	12	6—18
Канаров Р. М. О категориях «объективные условия» и «субъективный фактор»	5	37—44
Кандалова К. Материалы о Туркестанской АССР в собрании Музея истории народов Узбекистана	4	49—51
Каримов Б. Р. Диалектика связи и обособленности в концепции развития	1	17—24
Каримов М. Х. Межличностные отношения в многонациональном коллективе: характерные черты и особенности	4	28—34
Каримов Р. Р. Некоторые аспекты повышения культуры межнационального общения в условиях перестройки	5	21—29

Каримов Р. Х. Нэп в Узбекистане: закономерности и специфики	3	15—26
Кудинов А., Арипходжаев К. Гуманизм подлинный и мнимый	4	35—41
Кутина М. Индия и движение неприсоединения (1984—1987)	6	21—27
Лапкии К. И., Хайруллаев М. М. Ф. Энгельс о некоторых аспектах ислама и свободомыслия	4	41—45
Лебедева С. В. Первая Советская Конституция народов Средней Азии	10	24—31
Ле Винь Куок. Из истории участия УзССР в культурном сотрудничестве СССР и СРВ (Литературные связи)	7	24—30
Максудов И. А. Развитие хозяйственных связей и взаимоотношений предприятий АПК	7	12—17
Мелибаева Г. Социальные проблемы освоения пустынных районов Узбекистана	6	11—17
Миренский Б. А. О преодолении отрицательных тенденций в состоянии борьбы с преступностью	8	28—37
Патлах Б. Ш. Диалектика единства партии и народа	6	5—11
Пягай В. В. О резервах повышения эффективности производственной базы сельского строительства УзССР	6	17—20
Раджапова Р. Я. Имя, возвращенное истории и народу (Султанбек Ходжанов)	12	30—17
Рашидов У. Кооперация в новых условиях	10	16—23
Саркисянц Г. П. Об усилении связи обучения с практикой при подготовке юридических кадров	4	20—28
Сафаров Р. Перестройка и книгоиздание	11	24—31
Темирходжаев Д. Против буржуазных интерпретаций истории Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР	4	46—49
Туленов Ж. Перестройка — продолжение дела Октября	11	5—12
Убайдуллаева Р. А. Проблемы обеспечения рациональной занятости населения в условиях ускорения социально-экономического развития	7	5—12
Усманов М. Б. Право землепользования на основе семейного подряда	1	11—16
Фадеев В., Мухамеджанов А. Депутатский мандат (Некоторые организационно-правовые аспекты)	4	13—20
Файзиев Н. М., Ахмеджанова Г. И. О повышении роли социальных факторов в системе планирования	1	3—7
Хакимджанов Н. Н. Курс НДПА на расширение социальной базы Апрельской революции	2	32—38
Хакимов Ш. Ф. О роли экономического стимулирования в свете Закона СССР о государственном предприятии (объединении)	9	24—27
Хикматов А. Х. Региональные проблемы перестройки инвестиционной политики	5	5—21
Хикматов А. Х., Махмудов Э. Х. Эффективность капитального строительства в условиях нового хозяйственного механизма	2	3—9
Ходжайов Т. К. К проблеме этногенеза и этнической истории народов Средней Азии	2	26—32
Шафир В. В. О расширении компетенции местных Советов в области использования и охраны недр (На примере республик Средней Азии и Казахстана)	7	17—23
Юлдашев М. Совершенствование хозяйственного механизма хлопкового подкомплекса АПК	8	5—14
Юсупов А. Т. К вопросу совершенствования структуры легкой промышленности УзССР	12	3—7
Юсупова Г. Территориальная структура промышленности УзССР и вопросы ее совершенствования	1	7—11
Юсупова Н. М., Ким М. Д. К проблеме интенсификации использования производственных мощностей в промышленности УзССР	11	13—18
Якубов С. А. Проявление принципов, законов и категорий марксистско-ленинской философии в советском гражданском процессе	8	22—28
Методика оценки эффективности фундаментальных, прикладных, природоохранных исследований, долевого участия в комплексных исследованиях с социальным эффектом	3	40—47

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Абдуразакова М. М. О труде Абу Мансура ас-Са'алиби «Ат-Тамсил ва-л-мухадара»	3	53—55
Абдурахимова Н. А. Высший бюрократический орган царизма в Туркестане	11	34—38

Абдурахманов Н. И. Диалектика единичного, особенного и общего в развитии и становлении принципа структурности	10	40—44
Акимбаева П. Х. Из истории борьбы Советов УзССР за улучшение сферы обслуживания тружеников села (1959—1965)	2	41—44
Асилова Н. А., Агзамова Г. А. Об употреблении географических названий «Мавераннахр» и «Туркестан»	7	35—39
Ахраров Д. А. Из истории борьбы трудящихся Узбекистана за хлопковую независимость СССР (1933—1937 гг.)	4	56—59
Бабаджанова А. Х. Е. К. Бетгер — историк-среднеазиовед	2	44—46
Белоусов С. А. К истории становления института подследственности в Узбекистане	7	31—35
Вечканов В. Э. К изучению генезиса принципа историзма	5	56—58
Дзапаров А. Т. Реализация принципа демократического централизма в организации и деятельности органов внутренних дел	6	37—41
Зияева Д. Х. Проявления классовой солидарности русского и коренного населения Средней Азии и Казахстана в ходе восстания 1916 года	11	32—34
Ильясов Дж. Я., Русанов Д. В. Клад средневековых бронзовых изделий с городища Будрач	1	27—31
Ирисов А. Беруни и его этюды поэтических анализов (По книге «Минералогия»)	8	62—66
Исамиддинов М. Х. Молельни древнего Согда	9	32—36
Исламов У. И., Крахмаль К. А., Годин М. Х. Литолого-фациальные и палеоклиматические исследования древнепалеолитической стоянки Сель-Унгур	3	56—58
Каримова С. У. Ибн Сина и алхимия	11	39—42
Кудратов С. Орнаментированная керамика из поселения Куюктепа	12	35—37
Мадраимов А. А., Мусаев Ш. М. Восстановление технологии изготовления бумаги «абри»	5	58—60
Махмудова Ф. М. К проблеме взаимодействия местных Советов и общественности в борьбе с пьянством и алкоголизмом	6	41—44
Мирсаатов Т. М. Зачатки разделения труда и обмена в каменном веке на территории Узбекистана	4	63—66
Мухамедьяров А. С., Абдурахманов Ф. Р. Ленинское учение о национальном вопросе и его распространение в дореволюционном Туркестане	6	44—48
Назаров А. Ф. Ибн Халдун о социальной сущности музыкального искусства	3	50—53
Перевезенцева Т. В. О научно-техническом творчестве рабочей молодежи Узбекистана	2	39—41
Рашидова А. И. Правовое положение СредазЭКОСО (1926—1934)	8	56—59
Савуров М. Д. Этнографические экспедиции Института истории АН УзССР	1	31
Сангилов М. И. Роль русского языка в духовном развитии молодого поколения	12	31—35
Туленова Г. Ж. К критике метафизического понимания процесса сближения социалистических национальных культур	8	53—56
Ходжаева Р. К характеристике культурных процессов в Египте 60—80-х годов	4	59—63
Хужаназаров М. Наскальное изображение сцены танца из Сайхансая	5	60—62
Хусанов Х. Некоторые аспекты развития кооперативной торговли	3	48—50
Шадиева С. А. О правовом положении совета трудового коллектива	5	54—56
Шайхов А. Э. К изучению рынка рабочей силы Египта	1	25—26
Эргашев Б. Х. О сущности и развитии антифеодальных взглядов младобухарцев	8	59—62
Эргашев Э. Т. Повышение эффективности обновления производственного аппарата хлопкоочистительной промышленности УзССР	10	38—40
Эшанкулов М. Некоторые вопросы химизации сельскохозяйственного производства в хозяйствах Ферганской долины	8	50—53
Юлдашев И. М. Из истории становления афганской дипломатии	9	28—32
Юсупов У. О некоторых социальных аспектах ускорения социально-экономического развития страны	4	52—56

ВСТРЕЧИ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

Акилов К. А. Симпозиум «Новая экономическая политика в Средней Азии и Казахстане: теория, история, суждения»	8	44—49
Файзиева З. Сочетание по проблеме «Национально-освободительное движение в Узбекистане 80—90-х годов XIX века»	5	45—53

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

Булгаков П. Г., Ибадов Дж. Х. К истории математики в Хорезме конца X века	5	62—65
Воробьева С. Н., Нефедов Н. Ю. Золотые изделия из Еркургана	7	40—42
Дуке Х., Алимов К. Памятник каунчинской культуры в Кавардане	11	42—44
Иванов Г. П. Кашкарчинский могильник — новый памятник эпохи поздней бронзы в Фергане	10	44—47
Исхаков М. Согдийская надпись на фрагменте глиняного сосуда с Афрасиаба	10	47—50
Кочнев Б. Д. Монеты Харашкета (Харачкета)	6	48—51
Сингх Р. Н., Абдуразаков А. А. Исследование химических составов древнеиндийских стекол из Хайрадиха	8	66—72

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

Булгакова Т. В. Подготовка преподавателей русского языка из иностранных студентов ТашГУ	6	54—57
Майбурова Д. Об использовании партийных документов в преподавании марксистско-ленинской философии	12	38—42
Худаеров Б. Б. О воспитании студенческой молодежи на примере жизни и деятельности В. И. Ленина	6	51—54

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

Джураева Г. А. Новые данные по истории Бухары XVI века	12	42—44
Шайхова А. Новые документы об образовании мулков хивинских ханов	11	44—47
Юнусходжаева М. Ю. Архивные документы о роли Средней Азии в торговле России и Восточного Туркестана во второй половине XIX века	9	36—39

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Ахмедов А. А. Основные источники сведений Вольтера об Улугбеке	6	57—60
Вахабова Б., Имамходжаева А. Сборник трактатов по истории культуры народов Востока	10	50—56
Закиров Ш. Т. Сведения ал-Мас'уди о тюркских племенах	7	42—45
Рауфов Т. В. «Худуд ал-алам» как источник к изучению истории Мавераннахра X века	6	60—63
Хуршут Э. От компиляции к первоисточнику (На примере источниковедческого анализа «Мунтахаб ат-таварих»)	4	66—70

ИСТОРИОГРАФИЯ

Алямова Д. А. «Худжум» в литературе 20—30-х годов и задачи обществоведов в освещении женского вопроса в Узбекистане	7	45—52
Германов В. А. Из ранней историографии создания комсомольских организаций Средней Азии (К 70-летию ВЛКСМ)	10	56—62
Лазарев В. Л. Об освещении союза рабочего класса и крестьянства Узбекистана в литературе 20—30-х годов	2	46—50
Лунин Б. В. Социально-экономические и политические аспекты исламоведческого наследия В. В. Бартольда и современность	12	44—52
Файзиев М. М., Саидов А. Х. Проблемы сравнительного правоведения в советской юридической литературе	3	59—65

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Аулов В. А. Философское наследие народов Средней Азии и борьба идей	9	39—40
Буряков Ю. Ф. К. М. Байпаков. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья	2	51—54
Вахидов Ш. Т. К. Бейсембиев. «Тарих-и шахрухи» как исторический источник	9	40—42
Зияев Х. З. Л. Г. Левтеева. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках: историография проблемы	3	65—66
Исламов У. И., Аванесова Н. А. М. Д. Джуракулов. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии	2	54—56
Калошин П. Н. Б. Р. Каримов. Диалектика объективного и субъективного		

ективного в методе восхождения от абстрактного к конкретному	12	52—54
Ремпель Л., Исмаилова Э. М. М. <i>Ашрафи</i> . Бехзад и развитие бухарской школы миниатюры XVI в.	4	70—72
Уразаев Ш. З., Воробьева С. И., Саидов А. Х. Д. А. <i>Керимов</i> . Философские основания политико-правовых исследований	1	31—32
Уразаев Ш. З., Саидов А. Х. Л. М. <i>Бойко</i> . Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества	10	62—63
Файзиев М., Исламов З. С. К. <i>Абдуразаков</i> . Административно-территориальное устройство Узбекской ССР	2	50—51
Шайдуллаев Ш. Б. А. С. <i>Сагдуллаев</i> . Усадьбы древней Бактрии	7	52—53

НОВЫЕ КНИГИ

Аликулов Х. А., Туляганов К. З. Р. Н. <i>Насыров</i> . Вопросы теории познания во взглядах прогрессивных мыслителей Средней Азии	8	73
Болтаев М. Н., Абидов К. Г. М. Х. <i>Махмудов</i> . Диалектика общедемократических и социалистических преобразований при переходе к социализму, минуя капитализм	7	54
Джурракулов А. Д. Н. <i>Исмаилов</i> . Партийно-советская печать и социально-экономическое преобразование села	6	63—64
Загулов Ж. З. Э. <i>Сидыков</i> . Региональный транспортный комплекс: формирование и развитие	2	56—57
Иванова Л. С. История Узбекистана. Часть III. Образование Узбекской ССР. Построение, упрочение и развитие социалистического общества в Узбекистане (Указатель советской литературы 1924—1985 гг.)	8	73—74
Мачин Г. В. М. <i>Жураев</i> . Повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства Узбекистана в период победы и упрочения социализма	4	72
Саидова М. М. Историческая миссия русского языка в советском обществе	10	63—64
Сиссоко Фамори. Т. <i>Ширинов</i> . Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского Междуречья	1	33—34
Тураев Х. Б. А. <i>Казаков</i> . Документальные памятники Средней Азии	5	66
Шермухамедов С., Мадиримов Р. Э. Г. <i>Абрамян</i> . У истоков культурной традиции	11	48—49
Якубов И. Я. Д. Р. <i>Саид-Джалалов</i> . Организационно-экономические проблемы научно-технического развития отраслей агропромышленного комплекса (На примере хлопководства)	11	47—48

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Юсупов Э. Ю., Хайруллаев М. М., Шермухамедов С. Ш. К 80-летию академика П. Н. Федосеева	9	42—43
К 60-летию Г. Абдумаджидова	6	68
К 80-летию С. Э. Азимова	11	59—60
Джумаев А. Б. Памяти В. М. Беляева	7	54—55
К 80-летию Я. Г. Гулямова	5	68
К 75-летию С.-К. Зиядуллаева	10	64—65
К 60-летию Х. П. Пулатова	7	56—57
К 60-летию Ж. Т. Туленова	1	39—40

ХРОНИКА

Агабеков А., Кнопов Б., Панасенко Э. Годичные собрания в Академии наук УзССР	6	64—68
Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Советско-французский симпозиум «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций»	1	34—36
Зинин С. И., Панасенко Э. Д. Конференция «Функционирование национальных языков в Узбекистане в условиях двуязычия и многоязычия и вопросы совершенствования их изучения»	3	66—67
Иванова Л. С. Конференция по проблемам периодизации истории Узбекистана советского периода	11	49—57
Кадыров А. М. Научная конференция, посвященная опыту республик Средней Азии и Казахстана в решении земельно-водной проблемы и его значению для стран Африки	12	54—55

Кадыров Э. Выставка, посвященная XIX Всесоюзной партийной конференции	9	51—53
Крахмаль К. А. Научно-теоретическая конференция «Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии»	11	58—59
Маньковская Л. Ю. Массоновские чтения—87	1	38—39
Панасенко Э. Д., Ртвеладзе Э. В. Международное признание советского ученого	2	57
Покачалов Г. А. Обсуждение проблемы противоречий при социализме	1	37—38
Покачалов Г. А. В Узбекском отделении Философского общества СССР	5	67—68
Покачалов Г. А., Ачилдиев А. С. В Узбекском отделении Философского общества СССР	12	55—56
Савуров М. Д., Шарипов С. Л. Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1986—1987 годов	11	57—58
Саидов А. Х. Читательская конференция журнала «Советское государство и право» в Ташкенте	9	48—51
Тетенева Л. Г. Научная конференция по проблемам истории республик Средней Азии и Казахстана в период упрочения и развития социализма	9	44—48
Транис Л. М. Конференция, посвященная 70-летию ТАССР и Компартии Туркестана	5	66—67
Транис Л. М. Конференция читателей журнала «Вопросы истории» в Ташкенте	11	57
Ханазаров К. Х. XVIII Всемирный философский конгресс	9	43—44
<u>Зухриддин Расулович Нуриддинов (1918—1988)</u>	11	60—61
<u>Юрий Александрович Пономарев (1936—1988)</u>	9	53
Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по философии и научному коммунизму	1	41
Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по истории	5	70—72
Содержание журнала за 1987 год	1	42—47

ПОПРАВКИ

В № 11 журнала за 1988 г. на с. 54 следует читать:
 строка 21 снизу: Мы же должны исходить...
 строка 3 снизу: ...май, а не июль...

МУНДАРИЖА

А. Т. Юсупов. ЎзССР енгил саноати структурасини мукаммаллаштириш масаласига оид	3
А. Э. Эшоннов. Бухоро Коммунистик партияси ташкил топганлигининг 70 йиллигига	8
Сиёсий портретлар	
Р. Е. Ражапова. Номи тарихга ва халққа қайтариб берилган (Султонбек Хўжаев)	17
Илмий ахборот	
М. И. Сангилов. Еш авлоднинг маънавий камол топишида рус тилининг аҳамияти	31
С. Қудратов. Қуюқтепа манзилгоҳидан топилган нақш солинган керамика	35
Олий ўқув юртининг ўқитувчиларига ёрдам	
Д. Майбурова. Марксча-ленинча философияни ўқитишда партия ҳужжатларидан фойдаланиш тўғрисида	38
Архив саҳифаларидан	
Г. А. Жўраева. XVI аср Бухоро тарихига оид янги маълумотлар	42
Тарихшунослик	
Б. В. Лунин. В. В. Бартольднинг исломшунослик меросига оид социал-иқтисодий ва сиёсий қарашлари ва замонавийлик	44
Танқид ва тақриз	
П. Н. Калошин. Б. Р. Қаримов. Мавҳумликдан аниқликка ўтиш методига объективлик ва субъективлик диалектикаси	52
Хроника	
А. М. Қодиров. Ўрта Осиё ва Қозоғистон республикалари ер-сув масалаларининг ҳал қилиш тажрибасига ва унинг Африка мамлакатлари учун аҳамиятига бағишланган илмий конференция	54
Г. А. Покачалов, А. С. Очилдиев. СССР Философия жамиятининг Ўзбекистон бўлимида	55
Журналнинг 1988 йилги мундарижаси	57

СОДЕРЖАНИЕ

А. Т. Юсупов. К вопросу совершенствования структуры легкой промышленности УзССР	3
А. И. Ишанов. К 70-летию создания Бухарской Коммунистической партии	8
Политические портреты	
Р. Я. Раджапова. Имя, возвращенное истории и народу (Султанбек Ходжанов)	17
Научные сообщения	
М. И. Сангилов. Роль русского языка в духовном развитии молодого поколения	31
С. Кудратов. Орнаментированная керамика из поселения Куюктеца	35
В помощь преподавателям вузов	
Д. Майбурова. Об использовании партийных документов в преподавании марксистско-ленинской философии	38
По страницам архивов	
Г. А. Джуроева. Новые данные по истории Бухары XVI века	42
Историография	
Б. В. Лунин. Социально-экономические и политические аспекты исламоведческого наследия В. В. Бартольда и современность	42
Критика и библиография	
П. Н. Қалашин. Б. Р. Қаримов. Диалектика объективного и субъективного в методе восхождения от абстрактного к конкретному	45
Хроника	
А. М. Кадыров. Научная конференция, посвященная опыту республик Средней Азии и Казахстана в решении земельно-водной проблемы и его значению для стран Африки	54
Г. А. Покачалов, А. С. Ачилдиев. В Узбекистанском отделении Философского общества СССР	55
Содержание журнала за 1988 год	57

НАШИ АВТОРЫ

Ишанов А. И. — член-корреспондент АН УзССР.

Лунин Б. В. — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории АН УзССР.

Раджапова Р. Я. — доктор исторических наук, директор Института истории АН УзССР.

Майбурова Д. — кандидат философских наук, доцент кафедры философии АН УзССР.

Сангилов М. И. — кандидат философских наук, доцент ТашПИ им. Беруни.

Юсупов А. Т. — кандидат экономических наук, научный сотрудник СОТСО АН УзССР.

Джураева Г. А. — мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.

Кудратов С. — стажер-исследователь Гос. Эрмитажа.

Цена 65 к.

Индекс
75349